

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Мария Конопницкая

ИЗБРАННОЕ

К 61/
Р 32020

ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ
1944

77

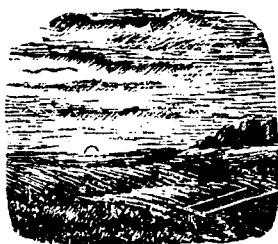
МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. СТИХОТВОРЕНИЯ

2. ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

*Перевод с польского
и примечания
А. Коваленского*

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1944

Гравюры на дереве
худ. А. Журова

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Поэтические произведения Марии Конопницкой являются талантливым и глубоким изображением чувств и страданий, надежд и чаяний польского народа. Мария Конопницкая (1842—1910) родилась в г. Сувалках. Детские и юношеские годы провела в г. Калише. В ней рано пробудился интерес к родной природе, польскому краю. Образование она получила в варшавском пансионе. Здесь Мария Конопницкая встретила с Элизой Ожешко, будущей крупной писательницей. Всю жизнь большая дружба, общие идеалы, сходные творческие устремления связывали этих двух лучших дочерей польского народа. «Если их головы должны быть обвиты лавровыми венками, то их натруженные руки должны опираться на плуг, которым польские мужики пахут землю», — справедливо писал об этих двух писательницах Казимир Тетмайер. С 1862 года Конопницкая жила в деревне Бронове Ленчицкого уезда, Калишской губернии. С этого времени начинается её настоящее знакомство с повседневной жизнью польских крестьян. На всё её творчество неизгладимую печать наложилась жизнь польской деревни.

Уже в первых поэтических опытах писательницы заговорил её главный герой и вдохновитель — польский народ. Первый сборник стихов «Роезје» вышел в 1881 году, а затем последовали другие сборники, и в течение десяти лет Мария Конопницкая стала крупным признанным поэтом. Картины родной природы, народных страданий и бедствий, батраки, работницы, солдатки и дети, простые люди, чья жизнь проходила в нужде, призывы к мести врагам родины и народа, слова надежды, — вот образы, чувства и герои поэтических произведений Марии Конопницкой, которые так сближают её с Некрасовым. Кре-

стьянская молодёжь зачитывалась сельскими песнями Конопницкой — «На свирели», «С лугов и полей».

С 1890 года Мария Конопницкая почти постоянно живёт за границей, много странствует по Италии и Франции. Но на чужбине её любовь к родине становится ещё острее, и тоска по ней, воспоминания о ней окрашивают все её произведения, написанные за границей.

С 1886 года Конопницкая начинает писать и прозой и создает ряд новелл и рассказов. Широкую известность приобрели её рассказы «Из тюремной жизни». С 1889 года Мария Конопницкая начинает публиковать большую поэму в стихах «Пан Бальцер в Бразилии». Поэма появлялась частями в 1892, 1900 и 1901 годах. Она состоит из шести частей: «На море», «В эмигрантском доме», «В дебрях», «На обратном пути», «В гавани», «Идём». Это крупнейшее произведение поэтессы является своеобразной крестьянской эпосей, изображающей жизнь польских эмигрантов в Бразилии. «Душа её унеслась за крестьянами-переселенцами в леса Бразилии, страдала там и переживала страдания крестьян с такой силой, что и без того яркая и могучая фантазия её обрела тут чуть ли не дар ясно-видения», — справедливо писал об этой поэме Генрих Сенкевич.

Перу Марии Конопницкой принадлежат также драма «Сизиф и Прометей» и критические статьи. Кроме того, она переводила крупнейших иностранных поэтов (Гейне, Ростана и др.).

В 1902 году с большой торжественностью был отпразднован двадцатипятилетний юбилей её творческой деятельности, и впервые на этом юбилее сам народ чествовал писательницу.

Патриотическая поэзия Конопницкой и сейчас звучит как призыв к народу Польши бороться с захватчиками, истоптавшими земли польских крестьян. Не случайно «Присяга» Конопницкой стала сегодня гимном польских воинов дивизии имени Костюшко, готовых насмерть биться с немецким фашизмом.

В сборник избранных поэтических произведений Конопницкой вошли все лучшие её стихи и отрывки из поэмы «Пан Бальцер в Бразилии» в новых переводах.

І. П О Л Ь Ш Е —

ПРИСЯГА

Не отдадим родной страны,
Родимой речи польской, —
Мы — польский люд, её сыны,
Мы — польских Пястов войско!
Нас не увидит враг у ног —
Идём же, — с нами бог!

До капли кровь отдать в боях
За дух мы все готовы,
Пока не рухнут в пыль и прах
Тевтонской бури ковы!
Нам крепость — каждый наш порог, —
Идём же, — с нами бог!

Не плюнут немцы нам в лицо,
Детей не онемечат, —
В оружьи встанет строй бойцов,
Дух поведёт нас в сечу —
Лишь золотой затрубит рог, —
Идём же, — с нами бог!

СТОЛЕТИЕ

Все суровой, бестелесней
Мы сто лет живём лишь в песне,
Как заклыйтый дух, —
Держим скованной рукою
Лютню сердца — и тоскою
Будим миру слух...

Песня та с могил слетает,
Рвётся с крыл орлиной стаи,
Полнит славой грудь, —
В ней — волна хоругвей плещет,
В ней — к заре широкой блещет
Воскресенья путь...

На заре веков грядущих
Слышен гром в родимых нущах,
Где толки сошлись, —
Где под спущенным забралом
Гимн святой гремит хоралом
И несётся ввысь...

Да, напевы наши родом
Не из стран, текущих мёдом
Средь блаженных рощ, —
В них — смертельных битв раскаты,
Пытки, тюрьмы, казематы,
В них — и жизни мощь!

БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ¹

— Прочь с дороги! Грозной тенью
Воскресают вновь виденья,
Мглы кровавой
Древней славой
Озаряя даль.

Мчится время ураганом
И следит в оружьи бранном
Плен и беды,
День победы,
Звон мечей о сталь...

Братской клятве насмерть верный¹,
В окрылённых бронях, мерно²
Строй за строем,
Мчится к бою
Пыль дорог топча...

И не знает крестоносец, —
Польский витязь меч заносит,
Чех иль русский
Панцырь прусский
Разрубил сплеча?..

Сталь горит, дробятся копья,
Конской пены брызжут хлопья,
Грудью к груди
Бьются в груди,
Рубит строй топор, —

¹ В битве при Грюнвальде 11 июля 1410 года соединённые силы русских, польских, литовских и чешских отрядов нанесли войскам Тевтонского ордена страшное поражение, от которого орден уже не мог оправиться. В этой битве все славянские войска были связаны между собой, братской клятвой биться насмерть.

² Польская кавалерия того времени носила латы, украшенные крыльями из птичьих перьев.

Клич победный, свист летучий,
В жилах — крови шум кипучий,
Вопль страданья,
Стон и ржанье
Слиты в грозный хор...

Эй! Прими-ка плату, рыцарь,
Вместо дѡбржинской пшеницы! ¹
Век невзгоды,
Кривды годы
Кровь мутят опять...
— Прочь с наёмною оравой!
Здесь бессмертье в битве правой
Смелых славит,
В прахе ставит
Львиных дел печать!

Кто из правнуков сравнится
С этой грозной вереницей,
Что разила
Вражью силу,
Как орлы, с высот?
Чьи теперь удержат плечи
Эти латы, эти сечи,
Кто над нами
Дедов знамя
Снова понесёт?

И следит, чело нахмуря,
Дальний бор, как свищет буря,
В бранном дыме
Славы имя
Нарекая дню,

¹ В 1409 году Тевтонский орден претендовал на Добрянские земли, славившиеся богатейшими урожаями пшеницы.

Заносся под грохот стали
В незабвенные скрижали
Битвы вести —
Свиток чести,
Что не сжечь огню...

— Прочь с дороги стаи львиной!
Кто удержит исполина,
Что, как громом,
В час разгрома
Впрах разит врагов?
Бьётся — меч одно с рукою,
Мчится — знамя боевое¹, —
Величавый
Отзвук славы
Шлёт он в даль веков.

НАШЕ СЕРЕБРО, НАШЕ ЗОЛОТО

В час, когда на поле хлеба
Рожь цветёт под лаской неба,
Иль под синей тишиною
Потревоженной волною
От границы до границы
Заколышется пшеница, —
Слух внимает звон крылатый
Серебра хлебов и злата!

Шопот... шорох... шелест... шумы...
Вот — во взорах тень от думы...
Вот — на поле песне дальной
Эхо отзвук шлёт печальный...
С груш спадает цвет вчерашний, —

¹ Боевое знамя и государственный герб Литвы — «Vytis — рогой» — всадник, мчавшийся в бой с занесённым мечом.

И стоишь ты, внемля пашне,
И беседуешь, как с братом,
С серебром хлебов и златом!

Зимы долги... Земли чёрны...
В каплях пота плуг упорный...
И не знаешь ночью тихой,
Как, откуда грянет лихо...
То боишься — не дозреет,
То следя, как вихри веют,
Страхом грудь за жизнь объята
Серебра хлебов и злата...

Но едва весна настанет,
Сердце радостно воспрянет, —
А когда пройдёт вдоль сева
Мая солнечная Дева
И руно над бороздою
Встанет пышной чередой, —
Как земля тогда богато
Серебро родит и злато!

Как ты нивам рад, укроясь
На меже, в цветах по пояс,
В тишине, что всё чудесней
Льётся жаворонка песней, —
Всё смотрел бы жадным оком,
Всё б в дыхании широком
Жизнь вдыхал из их объятий —
В серебре хлебов и злате!

Погляди — до часа жнива
Облик свой меняет нива:
Что ни день, всё больше хлеба,
И колосья ближе к небу,
У межи цветут сильнее
Васильки, во ржи синяя,

Маки тонут в звонкой рати, —
В серебре хлебов и злате...

А когда поутру косы
Забряцают — слёзы, росы
Выпьет солнце, знойной дрожью
Засмеется день над рожью —
Вновь душа твоя воскреснет,
Грянет поле новой песней,
Славя щедрую расплату
Серебра хлебов и злата!

И забудешь поневоле
О тяжёлой, чёрной доле,
Чёрной доле, злой кручине,
Что, как рана, ноет ныне, —
И помчишься далью сонной,
Шумом нив замороженный,
Над звенящим в поле сжатом
Серебром хлебов и златом...

Боже, если б в бездорожьях
Отыскать и мне дорогу,
Что ведёт созревшей рожью
Вновь к родимому порогу,
И рассветною порою
Встать под тихую зарю
У плетня, на тропке к хате
В нашем серебре и злате!

ВАРШАВЕ

Ты каждый день и каждый час
Нам всем — отчизна духа,
И каждый камень твой для нас
Гласит душе и слуху, —

И этот голос, словно гром,
Гремящий на просторе,
И волны Вислы серебром
Ему, сверкая, вторят...

Пахал ли бой, пахал ли зной
Любую пядь, — давали
Мы все в ту новь живую кровь, —
Костями усыпали!

Те семена засыпал прах
В груди твоей лебяжьей, —
Но зреют зёрна в тайниках —
В тебе и для тебя же!

В какой бы не созрели час —
С зарей, с ночной ли тьмою —
Ты верными увидишь нас, —
Мы здесь всегда с тобою!

Разбудит всех нас прозный звон,
Хотя бы в гроб легли мы:
В едином сердце грянет он
Над Вислою любимой!

Ты вся полна родов и гнёзд:
Жива ещё их сила, —
И никакая тьма — нам звёзд
Твоих не угасила!

ПЕСНЬ «ПОЛЬСКИХ СОКОЛОВ» В НЬЮ-ИОРКЕ

— Соколы-братья! Взмахнём крылами!
К самому солнцу взовьёмся!
Над деревнями, над городами
К матери-Польше вернёмся!

Делят нас с нею грозные воды,
Земли, пустыни, потоки,
Но там — сияет заря свободы,
Наш дом родной и далёкий...

Много пришлось нам здесь потрудиться,
Тоска сжигала нам жизни, —
Теперь мы снова — вольные птицы,
Поём о милой отчизне!

Пусть ряд славнейших её героев
Встанет, как светоч, над нами.
Пусть двери сердца они откроют
Песней, горящей, как пламя!

И ты, страна, что нас приютила,
Их чтить сердцами своими:
Дела Костюшко ты не забыла,
Помнишь Пулаского имя!

Сейчас над Польшей небо затмилось:
Не лавров — скорби година...
Но сила сына — матери сила,
А честь их — вечно едина!

Жизнь прорастёт и сквозь пепел серный, —
Живой народ не истлеет, —
О мать-Польша! Дружиной верной
Соколы будут твоею!

В час грозной битвы из чуждой дали
Промчимся вихрем чрез воды,
Чтоб соколиный строй увидали
Первые зори свободы!..

НЕПРОДАЖНОЕ

Ходят сюда немцы,
Ходят, хлопов мучат:
«Кто продаст нам землю,
Червонцы получит!
Платим мы за хату,
Платим мы за поле,
Завалим деньгами
Твой нищенский столик!»
— Ах, немец ты, немец,
Напрасно ты крутишь:
Ни земли, ни хаты
Вовек не получишь!
Спрячь свои червонцы,
Не подходит мера:
Кто продаст отчизну —
Не нашей он веры!
Ты богатый немец,
Я нуждой заеден,
А для нас ты, немец,
Окажешься беден!

Дашь ты мне червонцы
За хату, за ниву, —
А кто мне заплатит
За месяц над ивой?
А кто мне заплатит
За ясное солнце,
Что с каждою зарёю
Входит к нам в оконце?
Вот за эту крышу
Из свежей соломы,
За благовест, утром
Манящий из дома?

За шелесты леса,
Пшеничное злато,
За крест, сторожащий
Родимую хату?

А кто мне заплатит
За алмазы-росы,
Одевшие блеском
И вереск и просо?

За весенний клёкот
Айста с кургана,
За песню из леса:
«Ой, да́на!.. Ой, да́на!..»

А кто мне заплатит
За синюю воду,
Солнечные полдни,
Тихую погоду?

За песок у речки,
Где ребячий щебет,
За звонкое пенье
Жаворонка в небе?

За ветер, что гонит
Облака-овечки
Под напев свирели, —
За сверчка на печке?

За пушкí на вербе
Вербным воскресеньем,
За грушу на поле
С длинной-длинной тенью?

А кто мне заплатит
За сладкий дух мёда,
Что пчёлы приносят
В улей с огорода?

За погост, где алый
Разросся шиповник,
Где отцы и деды
Спят в гробах дубовых?

Там и я улягусь,
Как выпадет жребий, —
Лишь господь прикажет:
«Живи, хлоп, на небе!»
А то будут ночью
Плакать мои дети,
Отцовской могилы
Не найдя на свете...
— Нет! Не дам, ~~ни~~ пяди!
Спрячь-ка, немец, ~~деньги~~:
Кто вам землю продал, —
Отчизне — изменник!

ЛИПЫ ЦВЕТУТ

Пахнут липы...

Сладкий запах дышит,
Пух летит в открытые окна, —
И в широком утреннем затишьи
Наш пчелиный рой звенит на солнце...

Пахнут липы...

В аромате мёда
Рой звенит над пасекою старой...
Украшаясь радугой восхода,
Спят туманов сизые отары...

Пахнут липы...

В радужном тумане
На заре тихонько дремлют хаты,
И рассвет их вестью утра манит,
Словно лёгких духов рой крылатый...

Пахнут липы...

Рой крылатых духов
Входит в гости к хатам закоптелым, —
На дороге — белый полог пуха,
На дороге — пахнет мёдом белым...

Пахнут липы...

И проснувшись, хаты
Вспоминают древние деянья,
Вспомо где-то пробил час расплаты,
Словно в очи падает сиянье...
Слов

Пахнут липы...

В аромате мёда
Дышит вновь благоуханье чуда:
Глянул к солнцу сын слепой¹ народа, —
Глянет дух истерзанного люда...

Пахнут липы...

Сладкий запах дышит,
Пух летит в открытые окна,
И в широком утреннем затишьи
Старый рой наш зазвенел на солнце...

НАШ СТЯГ

Наш стяг живая сила ткёт,
Ей смертный час не страшен:
Сквозь сумрак дня, сквозь ночи гнёт
Он духом соткан нашим!

Мы каждую живую нить
Сучили кровью сердца, —
Лишь тот народ достоин жить,
Кто знает — он бессмертен!

¹ Намёк на Мечислава I, который до определённого возраста должен был оставаться слепым (народная легенда).

Наш стяг встал в зорях высоко
На древке с жизни древа,
Чьё корневище глубоко
Вросло в земное чрево!

И в мире силе ни одной
Не разорвать той пряжи,
Что весь народ с землёй родной —
А землю — с духом вяжет!

Тот стяг для нас всегда, везде
Звучит, как зов, как песня:
— Живи в единстве и труде,
А если смерть — воскресни!

С почётом родина несёт
Свой стяг — и знает: в двери
Грядущих дней войдёт лишь тот,
Кто в день грядущий верит!

НА СВОБОДУ

Долго сокол томился в оковах,
Долго в муках терзался он жгучих, —
Не стерпел — и сорвался, — и снова
Взвился к небу на крыльях могучих!

Полно сытым жить в клетке! Довольно
Дух свой рабскою цепью позорить!
Снова воздух вдыхает он вольный,
Блеск лазури и алые зори...

Уж псари, стерегущие свору,
Не сыграют ему своих песен,
Шум свободы и ветер простора
Мчат его голубым поднебесьем...

Не объедками в кованом блюде,
Не подачкой с пиров властелина, —
Сам отныне кормиться он будет,
Как издревле весь род соколиный!

В клубочке, на цветной рукавице
Уж не сядет он, помня обычай, —
В знойном небе свободно птицей
Будет бить и когтить он добычу...

Не для панской утехы рождённый,
Не рукою наёмной охотен, —
Гордый сокол в простор полудённый
Улетает за счастьем и волей!

Позабыта и цепь золотая,
И кольцо, истерзавшее шею, —
Гордый сокол к заре улетает
За надеждой и верой своею!

Крыл не свяжут лукавые слуги,
Не лишат соколиного зренья, —
Там, где кружатся соколы-други,
Рабских пут разрываются звенья!..

— Пан, вернись! Не дождёшься ты проку,
Миновала потехи година:
К дням грядущим умчался твой сокол, —
И не хочет иметь господина!

БРАТЬЯМ ЧЕХАМ

Велик народ, в ком духовное пламя
Горит, как солнце над жнивом,
И край, хранимый своими сынами,
Назваться может счастливым.

Чехи! Вы дух тот от сна пробудили,
Вы, как утёсом могучим,
Народов быт на века утвердили
Славянским словом певучим!

Когда же солнца земле нехватило —
В час испытанья суровый, —
Собственной грудью и собственной силой
Её согрели вы снова.

Привет вам, чехи, вы, славные внуки
Края, что вдвое дороже
Стал нам с тех пор, как в несчастьях и муке
Лишь слёзы дарить он может!

Был час — над Польшей ещё не настала
Година плена и гнева:
Стаей орлиной она вылетала
С песнею «Матери-девы»...

Чехи! У вас мы, готовые к бою,
Взяли ту песню, чья сила
Над всею Польшей, над всею Литвою
Стяги победы носила!

Итак, в честь стяга, что витязей смелых
Хранил от смерти и бедствий,
В честь веры в правду народного дела
Шлёт Польша чехам привет свой!

Уж близко время: не власть великана,
Но дух всеобщей свободы
Сдерживать будет племена и страны
И братством свяжет народы.

Уж близко время — и наступит прежде,
Чем схлынет буря и вьюга, —
По общей вере, по общей надежде
Поймут народы друг друга...

Когда же ныне мы в братском пожатьи
Руки друг другу пожали,
Когда втройне мы становимся братья —
В любви, работе, печали —

Когда пред высшим судилищем встали
Гении наших народов,
И в новых зорях, блеснувших из дали,
Почуяли луч восхода, —

Мы всею кровью — и духом и телом —
Союз укрепим наш строгий,
Чтоб в общей вере, за общим уделом
Итти по одной дороге

В грядущий полдень — не «зрелищ и хлеба»
Просить, но в дружбе сердечной
Требовать всем у земли и у неба
Лишь справедливости вечной!

II. ПЕСНИ ПЕЧАЛИ

ПО УТРАМ ШУМИТ ДУБРАВА

По утрам шумит дубрава:
— Где твой дом, село, приют?
Что в лугах цветут за травы,
Что за птицы там поют?
Что за беды сердце колют,
Что за скорбь туманит взор?
Косы ль косят наше поле,
За дровами ль едут в бор?
Как дымок над хатой вьётся?
Жарко ль там у камелька?
Как народу там живётся?
Обмелела ль слёз река?

По утрам шумит дубрава:
— Далеко до ясных дней!
Только в песне — старой славы
Слышен отзвук, — только в ней!
Далека пора благая,
Полдня солнечного взор, —
Час, когда изба любая
Сад получит, луг и двор...
Кто, смущая дух тревожный,
Мне поёт про этот день?
Плачет небо... Придорожный
Крест на землю стелет тень...

По утрам шумит дубрава:

— Пахарь божий, где же он?
Уж колосья клонят главы,
А косы не слышен звон...
Призрак Пяста вдоль по жниву
Утром вышел за снопом —
Первый колос нашей нивы
Сжать серебряным серпом...
— Эй! На ниву! Всё селенье!
Стар и млад — спеши, село!
Чтоб и к нам и шум и пенье
Вольным ветром занесло!..

По утрам шумит дубрава:

— Где твой дом, село, приют?
...Эхо вторит — слева, справа, —
И виденья вдаль плывут...

НА РОДИНЕ

Мой взор, насытись зелёной листвою
Лесов шумящих,
Напившись в блеске волны синевою
Ручьёв журчащих,
Скользил, как птица над лугом, за звонкой
Косой сверкучей,
Росой туманясь, носился вдогонку
За каждой тучей...
С волной колосьев, что клонит ветер,
Он плыл в просторе,
И всматривался на бледном рассвете
В ранние зори...
Он видел пурпур в закатном сиянии
Над всей землёю,
И к вечным звездам сквозь ночь и молчанье
Нёсся стрелою...

А ныне взор мой, как прежде, в печали
Поник тоскливой,
Хоть он и видел зелёные дали,
Золото нивы, —

Затем, что всюду — у зрелого ль жита,
У роз ли пышных —
Народ встречал он угрюмый, забитый,
И хаты нищих...

ВОЛЬНЫЙ БАТРАК

По узкой тропке, что лентою вьётся
Во ржи и просе, обходя овраг,
В сермяге рваной тихонько плетётся
Вольный батрак.

В его сиротской, покинутой доле
Никто печальней не стал бы лицом,
Никто не мог бы нестерпимей боли
Найти в живом...

Тот год был тяжким: ливней злая сила
Секла бичами посевы, поля,
И лишь солому да бурьян взрастила
В слезах земля...

Забрали хату его за налоги, —
Он не прощался ни с кем, лишь земли
Взяв горсть в тряпицу, по торной дороге
Исчез вдали...

В тихой лазури — золотые слитки,
Эхо свирели разгоняет мрак, —
И вытер слёзы полкой своей свитки
Вольный батрак.

Вольный... ведь узы, связавшие душу
С родным участком — потом, кровью став —
Обрезал сразу статью бездушной
Жёсткий устав.

Вольный... ведь негде простую охапку
Свежего сена попросить ему.
Вольный... ведь может он покинуть хатку —
А как?.. К кому?..

Вольный — ничто уже не гнетёт на свете,
Только коса на плече, да юдоль,
Да серой свитки лохмотья вот эти,
Да жизни боль...

Вольный... весною сирота скончался
Последний... Там он, у церковных плит...
С голода, верно... Только пёс остался
И всё скулит...

Вольный, эх, вольный!.. Он всеми словами
Может ругаться, издохнуть в пути,
Рыдать, смеяться, скрежетать зубами. —
Всё бог простит!

А может лоб свой разбить о ступени
Сельской конторы — а из-за чего?
В своей судьбе всё равно не изменит
Он ничего!

Лужок промокший, участок убогий,
Где мхи, да вереск, да волчья сыть.
Управа вспашет... Налоги, налоги...
Ступай косить!

Ступай косить!.. И подумай о волосе!..
Хоть год без хлеба опять впереди,
Хоть редкий колос по зерну приносит, —
Иди, иди!

Чего ж ты медлишь?.. А впрочем, ты «волен»:
Кому забота? Уж сам и реши,
Топиться ль будешь, косить ли на поле
Чужие ржи...

Кому забота? И если бы даже
Упал ты мёртвым вот в этот овраг,
Никто на свете и слова не скажет...
— Вольный батрак! —

МОЯ ПЕСЕНКА

В льняной рубашке песнь моя бродит;
Весной — с опушки
Тёмного бора речи заводит
Криком кукушки, —
И ветер след ей крылом замечает,
Кропит росой,
Когда бредёт она, распевая,
Стопой босою...

Ведь песнь моя сиротинка родом,
Везде чужая, —
Ей бы умчаться к алым восходам
С лебяжьей стаей.
Как лебедь, крылья она раскрывает
Навстречу зорям,
Когда бредёт она, распевая,
С печалью-горем...

Ведь песнь моя и живёт печалью,
Как чёрным хлебом,
Её не сманишь светлою далью
Под чуждым небом.

Глядит бедняжка, как звезда мерцает
Сияньем жизни,
Когда бредёт она, распевая
Песнь об отчизне...

ДУБРАВА

Шумит, шумит дубрава,
Как и прежде шумела, —
Летит, летит та песня,
Как и прежде летела...

В густой дубраве, в шумной,
Ветер деревья клонит,
В печальной песне, в тихой,
Скорбь сокрытая стонет...

Каркает в той дубраве
Воронов чёрных стая,
Жалуется в той песне
Сердце земли, рыдая...

Нет, соловью не жить там,
Где ворон хищный реет,
Нет, счастья не найти там,
Где ряд крестов чернеет...

ДОРОГА

— Скажи, дорога, разве здесь ветры
Не веют?
Не мчатся бури, дождей потоки
Не сеют?
И разве солнце луч над тобою
Не стелет,
Что всю укрыли тебя бурьяны
Да зелье?

— Ох, веют ветры, шумят и машут
Крылами,
И бури мчатся, и тучи льются
Дождями,
И солнце шлёт мне жгучие стрелы
Из дали,
Но след людской ты на мне отыщешь
Едва ли!

— Скажи, дорога, уж не к врагам ли
Бежишь ты,
Что лишь шиповник да тёрн колючий
Родишь ты?
Иль ты уводишь в чужие страны
И земли,
Что в диком тёрне и злом бурьяне
Ты дремлешь? —
— Нет, не бегу я в чужие земли
И страны,
Не увожу я к врагам за море
В туманы, —
Веду я только к давно пустому
Порогу:
К остаткам жалким вот этой хаты
Убогой!..

КОРОЛЬ И СТАХ

Как король пошёл войною,
Заиграли трубы к бою,
Заиграли, загудели
На удачу в ратном деле...

А как Стах пошёл на битву,
Зашептал ручей молитву,
Зашумело жито в поле
На беду, на злую долю...

Пули свищут, рати брея,
Точно косы — луг цветущий:
Короли-то всех храбрее,
Хлопы валяются всех гуще...

Плещут стяги славой бранной,
Где-то крест скрипит дубовый...
Ранен Стах смертельной раной,
А король пришёл здоровый!

И как в замок он вернулся,
Золотой рассвет проснулся,
Зазвонили все звонницы
От границы до границы...

А как Стаха в яму клали,
Тополя ему кивали,
Да звонили в росных травах
Колокольчики в дубравах.

ОЙ, НОЧКА...

Ой, ночка, ночка! Как сокол чёрный,
Над полем крылья ты распростёрла!
Они закрыли нам путь-дорогу,
Моё же горе закрыть не могут!

Упали ль перья в шумное море,
Спалили ль перья жгучие зори,
Не стало ль вихрей в земном просторе,
Иль только слёзы растопят горе?

ВИСЛА

Ой, Висла, ой, светлая Висла,
Зачем она к морю стремится?
Ой, сердце, ой, юное сердце,
Зачем оно кровью сочится?

Затем льётся светлая Висла,
Что полны от слёз её воды, —
Затем сердце кровью сочится,
Что нет ему воли-свободы!

ВЕРНИТЕ МНЕ...

Ах, верните вы мне волю,
Отпустите снова в поле,
Снова в поле, на покосы,
Где, как звезды, блещут росы,
На порог родимой хаты,
Где весна цветёт, как золото,
Где луна в ночном покое
Лик на яблонях покоит...

Извела меня невзгода...
На чужбине трачу годы...
На чужбине на постылой
По деревне сохну милой!

Сплю... не сплю... сквозь дрему слышу —
Как колосья рожь колышет,
Как звенит в пшенице голос
Острых кос о зрелый колос...
Сплю... не сплю... сквозь дрему чую —
Как грачи в полях кочуют,
Шепчет верба у колодца,
Над росой песня льётся...

Эй, ручей! Ручей мой светлый!
Отнеси скорей привет мой
В край родной, куда, блистая,
Мчится в небе тучек стая!

ДОЛЯ

— Ой, доля ты, доля,
Как ветер, ты веешь:
Одним цветы косишь,
А другим их сеешь!

Одним цветы косишь
На могиле счастья,
А другим их сеешь
Средь бури-ненастья...

Одним цветы косишь —
Лишь в сердце проглянут,
А другим их сеешь
Весной на курганах...

«ADESSO PARLA»

Беседуй с ними, о душа земная,
С теми, кто связан с твоим светлым лоном.
Беседуй с ними, словно мать родная,
Слезами, стоном...

Пускай пробудят лесов твоих шумы,
И кручи гор, и ветров дуновенье
В их сонных душах хоть минуту думы,
Тоски мгновенье...

В гряде курганов, никем не хранимой,
Ты покажи им бывшие могилы, —
Пускай вернутся они в дом родимый,
К истокам силы...

Дубам дай голос, чтоб напев старинный
Сказаний славы они услышали, —
Дай увидеть им и клин журавлиный
В небесной дали...

Пусть твои реки им настроят гусли,
Где струн жемчужных созвучье дрожало б
Музыкой эхо, отголоском грусти,
Отзвуком жалоб...

Вдохни в сердца им крепкий запах поля,
Дай хлебный колос от нив серебристых,
И мёд, что собран пчелою на воле
С цветов росистых...

Стелись пред ними пшеничной дорогой,
Где мак алеет средь звонкого злата,
Раскрой их дух для сермяги убогой,
Для чёрной хаты...

Будь доброй няней, — но не к дреме сонной —
К труду, к работе, на подвиг грядущий
Дыханьем утра и зарёй стозвонной
Овей их души!..

Дай им на нивах и в лесистых недрах
Голос твой слушать по вечерним зорям,
Благослови их рукой твоей щедрой,
Благостным взором!..

О мать! Из праха, что костями, кровью
В тебе истлевает — скорбной и чёрной, —
Сбирать учи нас твоею любовью
Живые зёрна!

III. Д У М Ы

СЛОВНО ОЛЕНЬ

Словно олень, что к источнику мчится,
Стряхая росы и шурша листвою,
Тоскует дух мой и жаждет напиться
Водой живою!

Мой дух подобен иссохшим растеньям,
Спалённым солнцем на выжженной сече, —
Ни ночь, ни утро не шлёт облегченья,
Ни душный вечер...

Так где ж те реки, те ручьи, потоки,
Что мир по ранним поить будут зорям?
Я слышу гул их, как прибой далёкий,
Как рокот моря...

С горных громад, как плащи голубые,
Из тайников, из-под гнёта запрета
Они прольются на доли земные
В лучах рассвета!

Ударят взмахом серебряных крылий
В глухие стены прогнившего дома,
И вздрогнут люди под горами пыли
В раскатах грома...

И грянут ливни над всеми лугами,
Где сев грядущий сушат злые травы,
И вновь живыми зацветут цветами
Могила славы!

И слёз и крови половодье канет
Уже навеки в лазурное море,
И новый мир из глубин его встанет,
Новые зори!..

У СТАРОЙ ПЛОТИНЫ

В дугу согбённые трудом
И годами усилий,
У стен плотины бедняки
От едкой слепнут пыли.

Чуть дышат впалой грудью. Пот
Им застилает зренье...
Так трудно меж иссохших ног
Обтёсывать камни...

На слабых лысых головах
Клочки седого пуха,
В склонённых спинах позвонки
Потрескивают сухо...

Любой несёт не меньше лет,
Чем старая плотина,
А сколько — верно, смерть сама
Забыла счёт годам...

Канаты, брёвна волокут,
Впрягаясь в тачки парой, —
Им надо стену укрепить
Плотины старой, старой...

Но тщетно щебень валят вокруг,
Вбивают в грунт колоды:
Все загражденья рвут из рук
Крутящиеся воды.

Трещат верёвки, тонет буг
И камни под ударом

Мятежных вод, что в стену бьют
Плотины старой, старой...

И, труд прервав, они тогда
Следят застывшим оком,
Как мощью волн кипит вода
В дыхании широком...

Уста иссохшие то ль стон,
То ль возглас приоткроет, —
И смотрят, смотрят, как волна
Грунт под ногами роет...

Ни жалоб. Ни напрасных слов..
Лишь над стихией ярой
Качанье грустное голов
С плотины старой, старой.

ЭКСПРЕСС

Гул...

Свист...

Бег дикий...

Всё вместе слилось:

Молчанье, клики,
Слабость и сила,
Тучи и горы,
Вёсны и зимы,
Пустыни, боры,
Поля озимых,
Реки, как змеи,
И блеск лазури...

Нас бич железный
По краю бездны
Гонит и косит:
Мир рвётся с оси...

— Держись сильнее!
— Мы мчимся, мчимся, как буря!..

— Дальше от края
Моей печали!
Пеной играя,
Реки промчались,
Вершин громады
Вонзились в тучи,
Дрожь водопадов
Свергая с кручи...
И я, как птица,
Что бьёт крылами,
Должна носиться
Ночами, днями —
Со скал в долины,
С долины к морю,
Тенью орлиной
В синем просторе...
Земля мелькает,
Мир тонет в дали.
— Дальше от края
Моей печали!..

Гул нестерпимый,
Грохот всегдашний:
Стены и башни
Близко несутся —
Вот-вот столкнутся
Громадой звонкой!..
Промчались!.. Мимо!..
Дикая тонка
Мир увлекает:
Змеей сверкают
В гуле и тряске
Образы, краски...
Лишь луч денницы

В долину глянет,
Как луг с цветами
Сохнет и вянет. —
И ввысь клубится
Синее пламя...
Проходит мимо
Рой великанов:
Под смрад их дыма
И мгла туманов
Чернеют лица
И солнце тмится...
В гуле и гаме
Комет хвостатых,
Бросая пламя
Глазниц зубчатых,
Рать исполинов
Гигантским клином
Мчится, слепая, —
Несёт нас и гонит в дали.
— Дальше от края
Моей печали!..

Здесь — вихри снега,
Там — зноя стрелы, —
И нет предела
Шума и бега...
Дым...
Гарь...
Блеск...
Искры...

Страшная сила
Несёт нас быстро
Сквозь мрак могилы,
Втолкнёт сурово
В толпу вампиров —
И гонит снова
К солнцу и миру...

В огнистой пыли
Чувства застыли.
Едва дышу я,
Едва жизнь чую...
Кровь приливает
Зловещим шумом,
Не успеваю
Отдаться думам,
Не жду, не знаю, —
Мир мчится в дали...

— Дальше от края
Моей печали!!!

БАРКА

Толпы нарядной шум и блеск
Под солнцем безмятежным,
И шорох волн, и мягкий плеск
На золоте прибрежном;

Смех, как веселье, молодой,
Над влагой синей-синей,
И отзвук эхо над водой
В лазоревой пустыне;

На каждом гребне солнце... Пух
Цветка на груди каждой...
И прудь и волны — тот же дух
Вздывает жизни жаждой!

Но лишь серебряную мглу
Развеял воздух жаркий,
Как стало видно: по руслу
Плывёт безмолвно барка...

Плывёт лениво, тяжело,
Влекомая теченьем;

Снят парус; правит лишь весло
Медлительным движеньем.

И странный груз несёт она
Во чреве плоскодонном:
Плита к плите на ней видна,
Как пни в бору сведённом...

То — из каменоломни груз,
Простой, суровый, серый,
Где каждый надмогильный брус
Обмерян той же мерой.

Весь в рубище, везёт гранит
Рыбак, на барке стоя;
А розы пахнут, смех звенит,
А воздух полон зноя...

И барка тихий тяжкий бег
С кладбищенскою кладью
На солнечный цветущий берег
Стремит над водной гладью.

И тянутся головки дам
В толпе шумливой, яркой:
— Что это двигается там?
— Что тащит эта барка?

Привстав на цыпочки, смеясь,
Следят за ней, кивают...
А тень весла бежит, дробясь,
И барка проплывает...

Но если б сдунуть голубой
Покров, что в знойном дыме
Дрожит, — на плитах бы любой
Прочёл своё же имя...

А если б кто направил слух
В грядущее — могло бы
Услышать сердце тихий стук
Земли о крышку гроба...

Но кто же помнит смертный час,
Когда вокруг пылает
Багрянец роз и звезды глаз?..
И барка проплывает...

Удар весла прорежет гладь
Глубокой бороздою, —
Влюблённый смех звенит опять
И плещет над водою...

...Но ветер, в чёрной глуби встав,
Запенил водоверти,
На смехом полные уста
Дохнув дыханьем смерти.

И странная от груза тень
Толпу на миг скрывает —
И холод веет в жаркий день,
И барка проплывает...

ПОЭТУ

— Видишь: простёрлась пред тобою нагая
Чёрная пашня — но дремлют в ней краски,
Спят зёрна летних цветов, ожидая
Солнечной ласки...

— Согрей же лоно ей жаркою песнью,
Звени нам вестью!

— Видишь: под голым и пустынным лоном
Текут глубоко родники живые,
Что, утоливши уста миллионам,
Потоком хлынут в моря мировые...

— Вей же над ними, словно вихрем, песнью,
Звени нам вестью!

— Видишь: то сверху земля омертвела,
Но в глуби — соков живых трепетанье,
Что нам веками и духу и телу
Дают питанье...

— Засей же нивы правдивою песнью,
Звени нам вестью!

— И мысль и подвиг растут, как пшеница,
Из малых зёрен, что в глубинах дремлют,
Придёт весна — и посев всколосится
И скроет землю...

— Пусть все не верят — ты пой о них
песню, —
Звени нам вестью!

Никто не знает, откуда крылатый
Зародыш жизни принесёт судьба нам:
С ветром ли вольным залетит он в хаты,
В пашню ль — с туманом...

— Питай слезами и вспахивай песнью
И будь нам вестью!

НА ВЕРШИНАХ

Цветущих трав наряд зелёный
Кремнистых Татр украсил склоны,
На мхи с жемчужною росой
Опершихся стопой босою;

А выше — блещет камень голый,
Ключи оттуда льются в доли,
Бьют водопады влаги чистой,
Прозрачной, свежей, серебристой...

А выше — в синеве безбрежной,
Как полный кубок браги снежной,
Горят на солнце, словно пламя,
Вершины, стынувшие льдами.

Вначале путник, воздух горный
Вдыхая, рвать цветы стремится,
Потом он ловит ключ проворный
Рукою на лету, как птицу;

Но лишь вершины призрак лдяный
В лицо повеет стужей жгучей, —
Шепнёт он, в вечный холод тлянув:
«Жизнь! Где же твой поток певучий?»

Вершины! Пусть, горя венцами,
Поднялись к небу вы зубцами,
Пусть сёстры вы угрюмой туче,
Но сердце гор — не ваши кручи!

Ключ, из земли родимой бьющий,
Живой струёй в лугах бегущий,
Вам не пронизет грудь стремленьем,
Кровь не зажжёт журчащим пеньем...

Застыв под вечными снегами
Челом, изваянным в граните,
Лишь мёртвый холод вы храните,
И мёрзнут облака над вами,

Несущие дожди живые
Весной на пашни трудовые...
Когда же буря бьёт крылами,
Одев вершины сетью молний,

И белых плахт мерцает пламя
Над хатой горца, — страхом полня,
Растёт во мне вопрос упорный:
Зачем венцы промаде горной?

КОНЕЦ ВЕКА

I

Готов костёр. Высок костёр.
Уж птица века — феникс —
К полёту крылья распростёр,
В предсмертном клича пеньи...

Уж валится сосновый бор,
Дуб падает за дубом,
И век их тащит на костёр
И, складывает срубом...

Уж балки сгнившие трещат —
Венцы бывшего дома:
Они сгорят под дым и чад,
Как прелая солома...

Уж в чёрных тучах ярый гром
Несётся ратью быстрой,
Чтобы в сухой истлевший лом
Метнуть багряной искрой...

Мы запахом смолы, из жил
Лесных излитой, дышим, —
Стук топоров и скрежет пил
По тёмным дебрям слышим:

«Долой их сырость, мрак и тень!
Пора прочистить лоно,
На блеск зари! На светлый день!» —
Торопят миллионы...

И вянет всё — трещит, как сушь,
Под грозным шагом века:

Что хочет жить — уходит в глушь,
Незримую от века...

И в пулках, кованых шагах
Стихают песен волны,
Цветы роняют жемчуга,
Росою свежей полны...

Но время ль тешить праздный взор,
Скорбеть о доле сирой?..
Высок костёр, — готов костёр
Для новой жизни мира!

II

Сквозь ночь и день, сквозь гарь и чад
Дыханье толп^а всё ближе:
Они опешат, спешат, спешат,
Пока ты грёзы нижешь...

Спешат — и тащат всё к костру,
Что возрождает землю, —
Свои мечты, надежды, труд,
Как тяжкий груз подьема...

Несут преданья, своды прав,
Печати книг свободы.
Чтоб бросить всё, как горсти трав,
На будущего всходы...

Несут кресты забот и вер
Без слов, как рой бездомный, —
И всё бросают — вверх и вверх —
В огонь костра огромный...

Кто сбросил ношу, тот поник
Усталый, тихий, бледный,
И толп громада в тот же миг
За ним подходит следом...

Нет — солнце не осушит взор,
В сырых туманах кроясь...
— Высок костёр. Готов костёр,
Чтоб новый мир построить!

III

Уже следы кровавых стоп
Багрянят путь столикий,
Где цель — для всех дорог и троп —
Огонь костра великий!

Но крепче гнёт... Но меньше сил...
Трепещет мир усталый:
«Не все ль дано, что ты просил?» —
«Нет! — век бросает, — мало!»

Но больше нечего отдать:
Всё брошено в горнило,
На чём покоится печать
Надежды, воли, силы...

И поднимают толпы взор
Очей, что годы слепли:
Не мчится ль феникс на простор,
Восставший в жарком пепле?!

В сердцах — надежда, вера, страх...
И, простирая руки,
Бредут одни — в огонь костра,
Другие — в ночь, на муки...

И шепчет тот, кто пал, косой
Подрезан, словно колос:
«Я слышу крылья над собой
И шум, и плеск, и голос!..»

Уж в чёрных жилах стынет кровь,
Мгла застилает зренье,
А он всё шепчет — вновь и вновь:
«Там свет!.. Свобода!.. Пенье!..»

Смолкает... прах его толпой
Уже затоптан в землю...
Часы бегут слепой тропой:
«Спеши! — к костру подьемли

Дыханье жизни — лучший дар,
Чтоб раздувалось пламя,
Всепожирающий пожар,
Сверкающий над вами!»

Готов костёр. Высок костёр.
Уж птица века — феникс —
К полёту крылья распростёр,
В предсмертном клича пеньи...

О МИР МОЙ!

Где же гром тот весенний, бури грозной хоры,
Что твои поколеблет долины и торы,
О мир мой?

Где тот свет, что прорежет сумрак дней грядущих,
Свет, которого тщетно ищет взор живущих,
О мир мой?

Где тот ливень, что вихрем пройдя над тобою,
Кривду, кровь и бесславье с твоих черт омоет,
О мир мой?

Где блеск молний, разящих бѣлое безправье,
Возжигающих жертвы красоте и славе,
О мир мой?

Где тот взор, что увидит, как взойдѣшь из
тьмы ты
В блеске радуг, — слезами, как ливнем, омытый,—
О мир мой?

Где та лютня, что дремлет в глубине народа,
На которой сыграет свою песнь Свобода,
О мир мой?!

ВСТАНЬ, ДИТЯ!

1

— Встань, дитя, — и в золотые,
Тяжким потом политые
Выйди нивы: в ласке неба
Там звучит в колосьях хлеба
Перезвон стеклянный...
Слушай, слушай эти шумы:
Не родится ль в сердце дума—
Что за росы светят в поле,
Как батрачью должно долю
Чтить под свиткой рваной!

2

— Встань, — учись носить заране
Тяжесть лат, как в поле брани
Рыцари когда-то;
Но другие — не из стали,

Как в былые дни ковали
Шлемы те и латы, —
А сверкающие брони
Духа, их ни ржа не тронет,
Ни копьё, ни стрелы;
Щит же сделай ты из чести
И свободы — с ними вместе
Выйдешь в битву смело!

3

Коль увидишь ты, как быстро
С наковальни мчатся искры,
Или молот мерным счётом
Тяжко бьёт всё снова, снова,
Иль в лице, залитом потом,
Прочитаешь о суровой
Доле, — встань, о сын мой милый,
И склонись челом пониже:
Знай, народ и труд, — вот силы,
Что всё держат и всё движут!

4

Чти, дитя, в трудах уморных, —
В каждой капле — моря лоно,
Нив богатство — в малых зёрнах,
В гроше малом — миллионы,
В правой мысли — мир растущий,
В мире — жизнь и поступь века,
А в себе самом — грядущий
Образ человека.

Жёлтый Тибр протекает ленивой низиной:
Фиумичино — направо, налево — Фиумара.

Возле «Isola Sacra» — белых коз отара.
Вон — пастух дремлет рядом, испачканный глиной;
Порт Траяна чернеет позади руиной,
И туман проплывает над Остией старой.

Но туман исчезает — и блестит в просторе
Золотисто-лазурной лагуною море,
Где отлив, словно птица, мерно бьёт крылами.

Рим! — Не смыть даже Тибру всей гнили и
праха
Вековой твоей жизни — и море от страха
Отступает, касаясь его струй устами...

КАПРИ

Капри! Мир, иссечённый из скал... Под скалою
Дикий берег, безлюдье, дальний зов сирены...
Вот рыбак полуголый из порта Карены
Свой костёрник разводит... И листья алоэ

Тлеют, точно папирус, где рукою брэнной
Содрогаясь от страха, вписало бывшее
Век Тиверия, грозной и кровавой мглою
Прошумевший над Капри в суете мгновенной...

Но подвинься к костру, и помолчи, и слушай
В тишине над заливом и пустынной сушей,
Что тебе повествует рыбак-горемыка...

Цезарь? Август? Тиверий? — не слышал, не
знает...

Лишь внимательно глядя, как костёр мигает,
Речь заводит про голод... Вот его владыка!

КОГОЛЕТТО ¹

Низкий маленький домик в голубом просторе;
След шагов за столетья по истёртым плитам
Вдоль кирпичного пола; за окном раскрытым
Грозный рокот прибоя и кипенье моря.

Полки книг; кто-то жил здесь, видел радость,
горе...

«Жил чужой человек, был он хворым, разбитым,—
Говорит мне старуха и ворчит сердито: —
Вот и помер...» — но голос тонет в гуле моря.

Роюсь в груди на полке, никем не хранимой, —
Эдвард Юнг! ² Вдохновенный, нищетой гонимый,
Это ты?! — и читаю, пока светят зори

Дымно-алым сияньем... Так вот они, «Ночи», —
Всем чужой, одинокий, тайновидец-зодчий,
Здесь он умер... И громче слышен рокот моря.

GRAN SCOGLIO ³

Ночь. Весенняя буря. Гонит гребни ветер.
В вихре пен налетают кипящие шквалы.
Иссечённые ветром, глухо стонут скалы.
Стражи нет. И рыбачьи припрятаны сети.

¹ Коголетто — на дороге между Генуей и Савоной; спорит с Савоной о месте рождения Колумба.

² Эдвард Юнг (1681—1765) — крупный английский поэт, автор «Ночных раздумий», поэмы, переведенной на все европейские языки.

³ «Gran Scoglio» — скала на генуэзском побережье, откуда отплыл Гарибальди со своей «Тысячей» в ночь на 5 мая 1860 года.

Вдруг — как молния вспыхнул огонёк — и светит
Над Gran Scoglio искрой золотисто-алой, —
Слышен возглас: «I Mille!»¹ и кораблик малый
Чалит к берегу — первый... и второй... и третий...

Заскрипел под шагами кремнистою грудой
Мелкий гравий... Вождь духов тиль герой отсюда
В мир помчится орлом сквозь мятежные воды?

«Mille!» — слышится голос... Буря вторит:
«Mille!»

И к Сицилии ветер гонит строй флотилий —
О Италия! Грянул час твоей свободы!

PORTO VECCHIO

Гомон... Крик... Застилают волн лазурных пенье
Блеск лохмотьев и крови клокотанье алой, —
Люди, вёсла, канаты и мостки причала, —
Говор сотен наречий, шумных толп кипенье...

Оживлённые жесты, суета, движение,
Крик разносчиков устриц, дети валят валом:
На груди — против сглаза — рожки из коралла,
За ушами гвоздика, и во всём — стремленье...

Жаром пышет от тел и зрачков золотистых...
Море! Ты — словно кубок наслаждений чистых
Этим солнечным толпам, — ты очаг и дом их!

Берег твой, точно форум, — и он же им ложе,
Где классических тел их ты баюкать можешь
Сон блаженный — под песню валов неуёмных!

¹ «I Mille» — «тысяча» — пароль и боевой лозунг
Гарибальди в борьбе за национальное освобождение Италии
от иноземного владычества.

2. URBS AVINIONENSIS

ТРУБАДУР

Трубадур мой у балкона
Вновь бренчит своей гитарой,
Длинной, длинной канцонеттой,
Словно мир — печальной, старой...

Но сегодня веселее
Взял он темп — быстрее звуки...
Или это под мистралем
Резче вздрагивают руки?

Вот он, голову понутив,
Прислонился у балкона,
И его дрожащий голос
Напевает мне канцону

О весёлых днях Прованса,
Вешнем солнце, синем зное...
А над ним мистраль прохочет,
Мчится, жалуясь и воя...

По отцу мистраль тот родом
С снежных Альп, с крутых отрогов,
А по матери — из дальних
Пиренейских тёмных логов;

Две трубы на бледном небе
У него в гербе маячат:
Волчий-вой звучит из первой,
Во второй — гиены плачут...

И поёт их хор призывный
О весне, любви и мести, —
И мистраль и трубадур мой
Канцонетту тянут вместе.

Но звенят по окнам стёкла,
Ветер рвёт кусты и крыши —
Трубадур поёт всё глуше,
Трубадур поёт всё тише...

Полы чёрного кафтана
Разлетелись под напором,
Точно траурные крылья
Распластал под ветром ворон...

На седых ресницах — слёзы...
Смок — и поднял взор к балкону —
И, прижав к груди гитару,
Хочет нас почтить поклоном, —

Но порыв летит по струнам,
И они звенят и стонут —
И мистраль за трубадура
Продолжает петь канцону...

ЖАКЕМАР И ЕГО ЖЕНА¹

В башне ратуши старинной,
В древнем, мудром Авиньоне,
Жакемáр с своей женою
В старый колокол трезвонят.

Уплывают дни и годы,
Мчатся волны Роны старой,
Но от века в Авиньоне
Не видали лучшей пары!

¹ Бронзовые фигуры, отбивающие часы на башне старой Авиньонской ратуши.

Что бы ни было за время, —
Над скользкими веками
Жакемар с своей женою
Бьют по бронзе молотками.

Поутру звонят для папы,
Что пришёл из Арагона¹,
Вечеру внимает маршал²
Волны бронзового звона...

Шлёт под звон рескрипты папа
В стан врага, грозя жестоко,
И под звон — в ответ на буллы —
Свищут пули Лангедока...

А когда исчезли оба,
Кончив поприще земное,
Зазвонили для Легата
Жакемар с своей женою.

Так, пред каждой новой сценой
В древнем, мудром Авиньоне
Жакемар с своей женою
В старый колокол трезвонят...

Город с ратушей — едины;
Мудрость старца — в башне старой:
— Был бы сыр, вино, оливы,
Что нам посох и тиары?!

В ГЕТТО

В Авиньоне пышный праздник:
Папа избран — папа новый!
На кудрях прекрасной Сарры
Жёлтый цвет горит обновой...

¹ Антипапа Бенедикт XII.

² Маршал Бусико, осадивший в 1411 году папский дворец в Авиньоне во главе лангедокских войск.

Лишь вчера тюрбаном красным
Сарра кудри украшала, —
Но сегодня — новый папа:
Жёлтый цвет сменяет алый¹.

Сарра, юная супруга
Каббалиста, дочь менялы,
Знает все права и глейты²,
Все проделки Трибунала...

Знает: в час, когда над Роной
Вспыхнут пламенные перья,
Весь народ её погонят
За ворота с чёрной дверью.

Знает: дверь со стоном ржавым
Хлопнет, точно крышка гроба,
И под властью папы — гетто
Всех замкнёт в свою утробу.

Всех замкнёт: отца и деда
С тускло-белыми глазами,
И чахоточного мужа,
И её — с её слезами...

Муж с отцом тогда займутся
Счётом талеров, дублонов,
После примутся за тору,
А за ужином — застонут...

Старый дед чело поднимет,
Серебро седин проснётся,

¹ Еврейки в Авиньоне должны были во времена папства носить на голове ленты определённого цвета, причём со сменой папы менялся и цвет лент.

² «Глейт», или «Железная грамота», выдаваемая властями, должна была обеспечивать личную неприкосновенность еврея.

И гремящий стих пророка
Из пруди его польётся.

Он споёт о днях великих,
Возвестит, что близко время,
Что не будет знать о гетто
Возродившееся племя...

Вождь идёт уже могучий,
Он разрушит все темницы,
Скоро, скоро день господен
Заблестит, как луч денницы!..

И воздев худые руки,
И вперив глаза слепые,
Изольёт он скорбь пред богом
Мощным гласом Иеремии...

А пока взывать он будет,
И отец и муж учёный
Вновь начнут считать флорины,
Сыпать талеры, дублоны...

...Ночь над гетто... Ночь глухая
Стелет в гетто страх и муку...
Под светильней тусклой Сарра
Клонит голову на руку;

Взор горит, как взор Юдифи,
Кисть в кулак бессильный сжата,
И горячее дыханье
Раскрывает губ гранаты;

На устах звучат угрозы:
Ах, сорвать бы, растоптать ей
Эту ленту — яркий, жёлтый
Знак изгоя, знак проклятья...

Ей бы древней Иаилью
Гвоздь забить в висок Сисары¹
...И звенят, звенят флорины,
И поёт безумец старый...

3. ИТАЛИЯ

ВИЛЛА ВОЛКОНСКИХ²

(Памяти Адама Мицкевича)

Здесь он жил. Здесь мечтал. И отсюда свой взор он
Устремлял, опалённый мятежной тоскою,
Сквозь Сабинские горы — в мир, повитый мглою,
И отсюда душою рвался к шумным борам...

Здесь он пел... И влюблённый напев соловьиный
В миртах умолкнул, внимая полный страсти голос,
Где шептала дубрава над родной равниной,
Где звенел над межою золотистый колос...

Здесь он мыслил... Отсюда его дух стрелою
С напряжённого лука — из страны лазури —
Нёсся в тучах и ветрах кипящей грозой
И на севере крепнул под аккорды бури...

¹ Военачальник князя ханаанского, Сисара, разбитый израильским полководцем Вараком, скрылся в шатре Иаиль, жены Хевера Кенеянина, с которым Сисара был в мире. Иаиль приняла Сисару и угостила его, но, когда тот заснул, пробила ему висок гвоздём, так что он, «уткнувшись в землю, умер» (Кн. Судей, гл. 4).

² Вилла князей Волконских в Риме у церкви Иоанна Латеранского принадлежала в то время Зинаиде Волконской. Там в 1829—1830 годах часто и подолгу жил Адам Мицкевич.

Здесь следил он подолгу — вот за этой чёрной
Одинокой сосной, взор от роз отвращая, —
И отсюда умчался... Он орёл был горный,
И гнезда не забыл он, наш дол посещая.

ДОРОГА К ФЬЕЗОЛЕ

Когда спешили мы к Фьезоле вместе,
Он молвил: «Долго, как странник, иду я
К твоей душе, и печалью и песней
Над ней колдуя...

Но кратко время, а надо так много
Сказать тебе и послушать в раздумьи:
Спросить, алеет ли маком дорога
В пшеничном шуме...

Ведь кратко время, а должен узнать я
О чебреце, что душистым покровом
Растёт на грядках, — васильках и мяте
Под синим кровом...

О всяком зельи, смиренном, бездумном,
Трепещет сердце заботой и болью:
Отсюда чую, как под ветром шумным
Знобит их в поле...

Потом хотел бы я начать расспросы
О травах в сёлах и глубоких логах,
Где, точно слёзы, серебрятся росы, —
И на дорогах...

Я должен знать и про фиалку в чаше,
Про царский скипетр, и сосновый корень,
И белый ландыш, по утрам звенящий
Небесным зорям...

Скорей поведай, ведь срок наш так краток!
Сжигает душу мне сухое пламя:
Весь день я грежу, в родных ароматах
Дышу полями!..—

...И шёл вперёд он, и руки ломал он,
Охвачен болью безмерной печали...
...Луна ладью над Фьезоле встала
В синей эмали...

В СУМЕРКАХ

...Сладостною дремой
Тишь долины нежит;
В кипарисных рощах
Вздых провеял свежий...
 В золоте и в сини
 На лугах медвяных,
 Сея чар туманы,
 Клубится печаль...

Птицей утомлённой
День к гнезду стремится,
Что звездою дальней
Чуть-чуть серебрится...
 Ночь серпом Дианы
 Украшает косы,
 Отряхая росы,
 Плащ волочит вдаль...

Сумраком ресницы
Очи ей укрыли, —
Тихая, проходит
В прядях звездной пыли...
 Простирает руки
 В воздушном просторе:

Слушает, как моря
Сонно плещет сталь...

Лунной диадемы
Зачарован бредом,
В дремный путь за ночью
Выхожу я следом...
Простираю руки —
Утонуть в пространстве,
И для этих странствий
Мне жизни не жаль!..

НАД МОРЕМ В ЗАТИШЬЕ

Ни сон, ни бденье... В забытьи
Ни памяти, ни горя...
Лишь простираю руки свои
Над тихим лоном моря.

К вратам небес — к земной стране —
Уж не ищу дорогу,
Лишь знаю: крылья растут во мне,
Они лететь помогут.

Душа моя передо мной
Мерцает лёгкой тенью, —
Склонившись с лодки над глубиной,
Двоится в отраженьи;

То заскользит над тишью вод,
Как пчёлы над ложиной,
И пьёт забвенья сладчайший мёд
Из голубой пучины;

То склонится за борт ладьи,
Чтоб толос бездны слушать, —
И бездна ей все тайны свои
Нашёптывает в уши...

Что различит в том звуке ум?
Плеск волн? Сердцебиенье?
Игру ли моря? Крови ли шум?
Иль смерть? Иль воскресенье?..

...Стихает волн чуть слышный хор,
Безмолвен берег дальний,
Лишь мчусь куда-то в синий простор
Над вечностью хрустальной,

И руки сами поднялись
Над влагою безбурной,
Как крылья птицы, летящей ввысь,
Туда — в хрусталь лазурный...

ИВА НА ПРАТО

— Ива, плакальщица ива,
Бедная моя!
Об одном мы сиротливо
Плачем — ты и я!

На распутье троп скитальных
Мы занесены
И грустим о годах дальних,
О поре весны...

По лиловым плачем зорям,
Соловьиным дням,
Счастью, в полночь в лунном взоре
Снившемся нам...

По умершим розам лета, —
Помнишь цвет тех роз?
Как шумела им приветом
Золотая рожь?

Над далёкой плачем хатой,
Где забита дверь,
Где повывраны, помяты
Все цветы теперь...
...День за днём зарёй маячит, —
Как печаль тяжка!
Ива бедная всё плачет,
Всё растёт тоска...
Заблудились мы с тобою:
Где наш братский хор?
Край чужой сдавил толпою,
Точно чёрный бор...
Всё печальней, всё безвестней
Путь наш впереди,
А на сердце те же песни,
Тот же плач в груди...
И останется на деле
После нас с тобой
Только тихий зов свирели
В дымке голубой!

4. ЮНГФРАУ¹

(Швейцарская легенда)

В утро свадьбы великой
В волнах трубного клика
Зорь багряные громы
Мир подняли из дрёмы:
— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

¹ Юнгфрау — считавшаяся до последнего времени недоступной горная вершина в Бернском Оберланде (4667 м). «Юнгфрау» — «Ранна М'ода» — значит так же и «невеста».

Солнцем мир озарился,
И жених пробудился,
Шлёт над светлым туманом
За ответом желанным:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Вот — по горным дорогам,
По гранитным отрогам,
Дружки вышли к Невесте.
Дружки сходятся вместе:

— Нет, не готова, нет, не готова, Невеста всё
не готова!

Вот — жених уже в латах,
Собираются сваты.
Сходит утро в долины,
Слышен клёкот орлиный:

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Не пришло ещё время,
Ночь ещё надо всеми, —
Дремлют суша и воды.
Племена и народы:

— Нет, не готова, нет, не готова, Невеста всё
не готова!

Ещё Лазари-люди
Ждут, тоскуя о чуде:
Кто от смерти и тленья
Им пошлёт исцеленье —

— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

Шлёт жених два потока
По дороге далёкой,
Чтобы мчались гонцами,
Возвращались с вестями:
— Скоро ли будет, скоро ли будет Невеста
к венцу готова?

— Реки, вспять поспешите,
Жениху расскажите:
Над вершиною льдистой
Свит венец мне огнистый.
Только венчальный, только венчальный наряд ещё
не готов мой!

Мчатся реки, как звери,
Пали с грохотом двери,
Вихрь ревет на просторе,
Стоном пропасти вторят:
— Нет, не готова, нет, не готова. Невеста все
не готова!

Воют в ветрах органы,
Вьют одежды туманы,
Держит кольца священник
В золотом облачении:
— Когда же будет, когда же будет Невеста
к венцу готова?

То затишье, то бури
Мир качают в лазури,
Мчится век, как мгновенье,
Ропщет гром в отдалении:
— Когда же будет, когда же будет Невеста
к венцу готова?

Тонут в вечности годы,
Стонут в тюрьмах народы:

«Растворите темницы!
Утро в двери стучится!
Давно должна быть, давно должна быть Невеста
к венцу готова!»

Но чело она хмурит,
Никнет в снежные бури:
— Не пришло ещё время,
Ночь ещё надо всеми,
И не готова, и не готова, Невеста всё не готова...

Лишь когда голос судный
Взвоят в тьме непробудной,
Рухнут стены и створы,
И сравняются горы,
Рог возмездия грянет,
Солнце в бездну заглянет,
И под острой секирой
Ляжет в прахе полмира, —

Тогда лишь будет, тогда лишь будет Невеста к
венцу готова!

ГРОБНИЦА РЫЦАРЯ

Он на гробнице с давних пор
Стоит в тяжёлых латах,
И смотрит ввысь — и щит в руке
И шлем на нём крылатый.

Он слышал весть, когда ещё
Не вынул смертный жребий:
«Когда косить окончит смерть,
Труба взыграет в небе».

И ждёт он век, и ждёт он два,
Средь жатвы смерти стоя:

Не прогремит ли там, вверху,
Созвучье золотое?

Могильной ржой изъеден меч,
Дождями — шлем крылатый,
Снега и вьюги бьются в щит,
А он всё ждет расплаты...

Уж солнце выпило зрачки,
Мох вырос на одежде,
Из лат разбитых вьётся прах,
А он всё ждёт, как прежде...

И слушает — и день и ночь
Гранит чела возносит.
И смерть блуждает вокруг него,
И косит... косит... косит...

У. СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

СНЫ МЕНЯ ОБСТУПИЛИ

Сны меня обступили опять вереницей
Скучной и тесной,
Я же вновь устремлюсь быстrokрылой птицей
В полёт безвестный...

Манит душу пространство... Облака,—как кручи,—
В них дремлют грозы...
И несёмся мы трое: я, обрывок тучи
И листик розы.

Листик первый упал на цветущий пригорок
К чужой границе,
Точно слово привета тому, кто так дорог,
Кто сердцу снится...

Но и туча, облёкшись в белизну и злато
В лучах полдневных,
Задрожала тоскливо над последней хатой
Родной деревни...

Ветер мнёт ей одежду, и она всё глуше
Плачет над лугом,
Где босоногий дед и ребята под грушей
Расселись кр гом...

Ей не хочется дальше... Рождена печалью
Речных туманов,

Как узнает она мир за синею далью.
Чужие страны?

И одна уношусь я, скорбью в сердце мучась,
Точно угрозой:
Отчего же остались на родине туча
И листик розы?

Я б из тучи свила покрывало синёе
Ночей бессонных,
А из листика розы... но ведь нет сильнее
Чар для влюблённых!

Но зовут синим чудом, мánят в путь земные
Дали, туманы:
Ах, увидеть своими глазами иные
Нивы, курганы!..

Ах, услышать, как люди разговор заводят
Чужою речью,
Подстеречь юный месяц, знать, каким он всходит
В чужом заречьи...

Знать, где радуга прячет своих лент сиянье,
И долго ль смеху .
И каким вторит песням в вечернем молчаньи
Томное эхо...

Ведь в деревне я знаю всё кругом досыга,
Всё мне постыло:
Каждый день всходит солнце за холмом, где жито,
И так и было...

Знаю, где незабудки расцвели в канаве,
Где — куколь алый,
Где соловушка серый свил себе в дубраве
Свой домик малый;

Где отец пашет ниву, мать холстины белит,
Как в воскресенье
В деревенском оркестре пастушьей свирели
Печально пенье...

И ксендза, и кладбище, и сумрак костёла, —
Знаю, ах, знаю...
Тяжко мне!.. Призывают, манят синью долы, —
Вся даль земная!

СВИРЕЛЬ

— Ива, кто тебя лелеял,
Поливал,
Кто в лесу твои свирели
Чаровал?

— Породил меня отец мой —
Лес густой,
Как стоял в роще по пояс
Ночкой той;

Накормила, напоила
Мать-земля,
Рядом — плакали берёзки,
Тополя;

Хлеб да соль давала пашня,
Небо — крош,
А баюкал шумный ветер
Из лугов;

Всё летал ко мне ночами
При луне,
В час, когда дремали хаты
В мирном сне;

В росы крылья, словно птица,
Окунал,
Алый мак и дикий куколь
Раздвигал;

Собирал с могил забытых
Плач и стон,
Отряхал с калин кораллы
Грудью он;

Ударял гремучей грудью
В чёрный бор,
По седым дубам рождая
Грозный хор...

Скорбь, печаль сиротской доли,
Слёзы бед,
Как туман за ним стелились,
Плыли вслед, —

Этот ветер мои ветви
Целовал,
Для свирели их готовил,
Чаровал!

МУЗЫКАНТ

Мир[!] открылся предо мною
Как синее диво,
В день, когда себе свирель я
Вырезал из ивы.

Приоткрылась предо мною
Та тёмная дверца,
Сквозь которую уходят
Печали из сердца.

Приоткрылись предо мною
Небесные зори. —
Увидал, как солнце всходит
Из пенного моря;

Увидал, как ночи сеют
Звезды при дороге.
На пропаханном луною
Синем перелогѣ;

Как на крснах золотистых
Ткут радужный пояс
Облака, в лазури ясной
Под солнцем покоясь;

Как ветра летят, бодая
Рогами друг друга, —
Тшнь вечерняя колени
Склоняет у луга...

Увидал, как новый месяц
Блится красою,
Как его на небе моют
Ангелы росою;

Как мостят дорогу в небе
Песком золотистым
И по ней ступает зорька
В наряде лучистом;

Как в виссон цветы рядятся
В долинах и борах
И весна на свет их манит
Из тёмных каморок...

Увидал кипенье моря
За горой великой,

Крепи пущи непролазной
Со мхом, павиликой;

Степи синие с костями
У брошенных станов,
У рядов могил забытых,
Безмолвных курганов...

Стали очи мои словно
Соколы на воле:
Небо, землю — всё познал я,
Как ближнее поле...

Но и уши мои стали
Волчьими ушами: .
Речи мир завёл со мною
Родными словами...

Зашептал ручей, звенящий
Талою весною,
Тихо жаловались травы
Под сенью лесною,

Услыхал, как росы жемчуг
Нижут осторожно,
Небо шлёт благословенье
Крестам придорожным;

Пашня чёрная, рождая,
Исходит слезами,
В час, когда ржаные зёрна
Пробьются ростками;

Строит жаворонок гусли
В небесном причале,
Соловей заводит речи
О любви, печали...

Услыхал, как дума бродит
И камень вздыхает,
Ночь уснувшим хатам песни
В тиши напевает,

Как осинка под дыханьем
Земли замирает...
Лишь не знаю, — как в свирели
Мой дух — мне играет!

* * *

...Тихо билось моё сердце,
Не живило грудь,
А теперь оно хотело б
Мчаться в синий путь...
А теперь оно хотело б
Мчаться в дальний край...
— Эй, играй, свирель, скорее,
Воли песнь играй!

И душа моя дремала
Долгим сном зерна, —
А теперь цветком раскрылась
На лугах она...
А теперь цветком раскрылась,
Словно ясный Май...
— Эй, играй, свирель, скорее,
Песнь надежд играй!

Необъятная скрывала
Мою долю тень,
А теперь её всю залил
Беззакатный день...
А теперь её всю залил
Звон крылатых стай...
— Эй, играй, свирель, скорее,
Песню зорь играй!

I. НА СВИРЕЛИ

Как тебя мне взять, девица,
Как тебя мне взять,
Коль отец тебя из хаты
Мне не хочет дать?..

Ведь не птица я с крылами,
Ведь не птица я,
Чтоб лететь с тобой высоко
В синие края!

И ведь я не дух, подружка,
И ведь я не дух,
Чтоб с земли тебя мне сдунуть,
Как цветочный пух!

И ведь я не мгла над лугом,
И ведь я не мгла,
Чтоб укрыть тебя туманом
От сиянья дня!

И не гроб я твой, девица
И не гроб я твой,
Чтоб вступить нам в подневольный
Вечный брак с тобой!..

*

Слёз мерцает нить на ивах,
Слёз мерцает нить...
О, когда ж ты, моё солнце,
Будешь мне светить?!

II. НА СВИРЕЛИ

Ах, к чему покров ваш, росы,
Холодный, —
Наг и бос сижу я в хате
Голодный!..

Разве мало плачем в поле
Мы сами,
Как та ночка, что исходит
Слезами?..

Ох, когда бы мог я в поле
Широком
Слёзы счесть, что льём мы в пашню
Потоком!
Страшно было б в этом поле
Жать жниво:
Каждый сноп кровавым стал бы
На диво!..

Выпьет солнце, вставши в небе
С рассветом,
Росы буйные над лугом
Согретым,
А чтоб слёз пролитых море
Обсохло,
Целый мир зажечь ты должен
О бог мой!..

Л Е Т А В Ї Ц А ¹

В хате душно, в хате жарко;
Ночь плывёт стезёй усталой...
Хлопец, глянь, как всё оконце
Серебром луна заткала!

Лунный сноп сквозь стекла льётся,
На полу ковром ложится,

¹ Л е т а в ъ ц а — в польском фольклоре женский стихийный дух, напоминающий наших русалок, но не обязательно губящих тех, с кем он встречается.

И над ним, босая, пляшет
И смеётся Летавица.

Косы светлые змеятся,
И над ивовым веночком
Пляшет маленькое пламя
Бледным синим огонёчком...

Летавица льна не сеет,
Летавица прясть не станет,
Только ходит, словно лебедь,
В серебристо-белой ткани.

День-денской она в оврагах
Спит под пологом туманным,
В ночь — заплашет, засмеётся,
Расцветёт цветком желанным;

По росистым пляшет травам,
И, смеясь, сулит отраду.
И кружит над головою
Решето из звонких радуг..

«Веет с луга воздух вольный, —
Слышишь свежий запах сена?
Над серебряной росой
Улетим с тобой из плена!

За ольхою, за берёзой
Ты узнаешь, кто теперь я, —
Дам тебе за тёмным бором
Золотые птичьи перья.

Вон за той горой высокой
Звезды дам тебе я с неба,
Обовьюсь за шумным морем
Вкруг тебя тоской и негой.

И когда мне в очи глянешь —
Полетишь, как вольный ветер,
Будешь сердцем пить свободу,
Позабудешь всё на свете...»

.

Машут облачные крылья
Над луной, как крылья птицы,
А в луче, босая, пляшет
И смеётся Летавица...

В хате душно... В хате жарко...
Ночь плывёт стезёй усталой...
Хлопец, глянь, как всё оконце
Серебром луна заткала!

ОСЕНЬЮ

Серые стайки, серые стайки
Летят в огнях заката:
Быстрые крылья в солнечных зайках
Горят, как искры злата!..

За море мчатся тучкою в сини
К самому краю света,
Перья роняя над речкой синей,
Точно слова привета...

— Пташки! Должно быть, вы не видали
Нашей белёной хаты,
Роз, что всё лето не отцветали
В садике возле мяты!

Деда, что режет из липы ложки
И, доставши без страха
Соты из улья, кладёт их в плошки, —
А соты — словно сахар!

Верно, не знали вы дикой груши,
Мелкой листвою шумящей,
Стаха, чьи песни так сладко слушать
С их печалью щемящей...

Верно, не шли вы в туманном утре
По росистой поляне,
Где по колено, как в перламутре,
Бродишь, куда ни глянешь...

Верно, не знали вы даже радуг
У панского фольварка.
Ах, все мы косы связать бы рады
Лентой такой же яркой!

Ни той сосны, что растёт кривая
В наряде однобоком
И только, ветру тихо живая,
Плачет смолистым соком...

Ни той запруды на речке чистой,
Шумящей, словно жёрнов,
Когда стекают с неё так быстро
Капли, как будто зёрна...

Ни того луга, где стог за стогом
Дремлет, где старый-старый
Пастух поутру к росистым логам
Гонит овец отары...

Ни сизых дымов, что в поле стелет
Нам золотая осень,
Ни плясок наших под звон свирелей
У тех могучих сосен...

Ни той зари за горой покатою —
Она не опоздает! —
И так спешу я бежать из хаты,
Что мать меня ругает!

Ни мглы вечерней, где серп двурогий
Всходит такой прозрачный,
Что сердце бьётся в смутной тревоге
И я о чём-то плачу...

Ни того лаза в плетне у склона,
Где я воду носила,
И на меня там, как на икону,
Стах молился мой милый!..

Ни нашей церкви с вечерним звоном,
Льнущим к вспаханным землям,
Ни той могилки, где под зелёным
Дёрном — отец мой дремлет...

Ни песни той, что звенит тоскою
При лучине у кросен,
Когда лучина пахнет смолою,
Тысячи искр разбросив...

Ни ночки той, что, расплетши косы,
Звезд венец одевает
И смотрит, много ль жемчужин росы
К нам во двор рассевают...

Ни тишины, что, сев у порога,
Палец к губам прижала,
Слушая вздохи молитвы к богу,
Радости, торя, жалоб...

А наш сверчок, что поёт нам с печки,
Чтоб спали мы без страха?
А сны о дружках, лазе у речки,
И... и о песнях Стаха!..

Так для чего ж вам теперь, пичужки,
На голод, холод, вьюги
Мчатся куда-то из деревушки,
Самой лучшей в округе?!.

СВАТОВСТВО

Нас не сватали у хаты
Ни отец, ни мать, ни сваты, —
Сватал жаворонок в поле
Утра майского раздолье,
Ключ, водой студёной полный,
Где коня пою я в полдень,
Сватал голубь нас крылатый,
Да тропинка перед хатой,
Да свирель у нашей нивы,
Да тростник, да эти ивы,
Эти вербы над ложиной:
— Поезжай же за дивчиной,
Ясько, гей!

Нас сосватали не кумы,
А лесов глухие шумы,
Да тоска, что злое зелье
По глубоким логам стелет,
Да росистый луг, где ночью
Вдаль плывут туманов клочья,
Зори тихие над лесом
В алом золоте небесном. —
Нынче-завтра, там за лугом,
Плуг на пашне, я за плугом,
Следом солнце в небе ясном...
— Слушай: девушка согласна,
Ясько, гей!

Нас не люди обручили,
Мёд за нас они не пили, —
Месяц высватал над лугом...
Обручила ночь друг с другом...
Ни соседи, ни соседки
Не ходили на разведки...
Только отзвук нежной речи
Приносил вечерний ветер,

Да в окошке том вставая,
Рос алмазы вышивая,
Ночь росой меня будила:
— Выходи скорее к милой,
Ясько, гей!

ОИ, ДАНА!..

(Народная песнь)

...А когда сыграть придётся
Девике в поле —
— Ой, дана!

Девике в поле,
Срежу я себе на дудку
Тростинку-стволик,
— Ой, дана!
Тростинку-стволик...

И как та тростинка-стволик
По ветру гнётся,
Так и милому девица
В плен отдаётся!
Ей бы вставить надо солнце
В окошко хаты,
Поглядеть, не к ней ли едет
Жених богатый?..

А когда сыграть пришлось бы
В чужой светёлке,
— Ой, дана!

В чужой светёлке. —
Мне на дудочку пошёл бы
Шиповник колкий,
— Ой, дана!

Шиповник колкий...

Будет петь он в моём сердце
Горем-слезами,

Вдаль помчится отзвук жалоб
Нивой, лесами...
Ходит кривда по оврагам,
По логам чёрным.
Не узнаешь, что рождают
Те злые зёрна...

А когда сыграть придётся
Перед панской сворой,
— Ой, дана!

Перед панской сворой
Я бы дудку себе срезал
Из чаши бора,
— Ой, дана!
Из чаши бора...

Помнят старые деревья
Ту злую долю,
Что прошла по этим хатам
По нивам, полю...
Разнесутся мои песни
Стоном и мукой, —
Почернеют хлеб и соты
От этих звуков...

А когда сыграть придётся
Для ночи дивной,
— Ой, дана!
Для ночи дивной, —
Мне пойдёт на дудку ветка
Плакучей ивы,
— Ой, дана!
Плакучей ивы...

Эх, и песенки помчатся,
Как птичек стая!
Встретит каждую приветом
Чаща густая...

...Нет ни поля, нет ни хаты, —
Нищий я конюх!
Только ночь к тем песням сердце
Тихонько клонит...

— Ой, дана!

— Ой, дана!

ЖУРАВЛИ

В золотой заре туманной
Журавли курлычут, —
Над широким, тихим полем
На прощанье кличут:

— Ты прощай, пустое поле,
Чёрный пашни взгорье,
Мы курлычем, улетаем
За синее море!

Мы курлычем, улетаем
По вольным дорогам,
Нас кормить уже не будешь
Ты пшеничным стогом...

Нас поить уже не будут
Текучие воды,
Не трубить уже зарю нам
Ясному восходу...

Не трубить уже зарю нам,
Не плескать крылами,
Не шуметь могучим перьям
Над нивой, лугами...

Не шуметь могучим перьям
Хоругвями в сини,

Не умчать твоих нам песен
К лазурной пустыне...

Ой ты, поле, в мгле осенней,
Ты, пашня пустая,
Жди нас в день, когда заблещет
Снова солнце мая!

Поджидай нас до заката
В родимые страны
В день, когда запахнут травы
И озими встанут!

Поджидай нас от заката
Тихими утрами
В день, когда заголубеет
Весна над лугами!

Мы с дороги не собьёмся
И над морем синим:
Лишь по пёрышку мы бросим
Шумящей пучине!

Мы с дороги не собьёмся, —
Лишь лететь к тебе бы:
По заре мы путь узнаем,
По бледному небу!

По заре мы путь узнаем,
По алмазным травам,
По головкам твоих деток,
Льняным и кудрявым!..

..И летят, летят, курлычут...
Как тут не взгрустнуться?
— Не грусти, пустое поле:
По весне вернутся!

VI. ЛЮТНЯ СЕРДЦА

ТИШИНА

Тихо...

А всё что-то шепчет, вздыхает,
Какой-то шелест и звон надо мною,
Жалоба чья-то растёт и стихает,
Дикая роза росю рыдает,
И бьётся сердце земное...

Тихо...

Но кто-то зовёт меня снова,
Как эхо песни чудесной и вёщей,
И кто-то в слух мой беззвучное слово
Опять влагает: в нём и долг суровый,
И скорбь бытия трепещет...

Тихо...

Но слышу — словно рокот моря...
Иль нет: то звоны... то деревьев ветви
Шумят по чащам... или реки горя?
Или восходят дней грядущих зори?
Идут в могилу столетья?

Тихо...

Откуда ж этот странный шорох?
Труба ль о близкой мне пророчит буре?
Червь ли жестокий точит сердце бора?

Джагернаута ль колесница в горы
Мчится в дыму и лазури?

Тихо...

Как тяжело ловить тишины той
Зловещий голос тому, кто умеет
Внимать душою, как в ней хаос скрытый
Шумит и стонет и, всюду разлитый,
Творит богов и пигмеев
И вновь незримой рукою стирает
Свои же скорби, свои же творенья...

Тихо...

Шуршанье берёз замирает,
Очи раскрыла звезда — и сырая
Полночь проходит виденьем...

В ГЛУХОМ БОРУ

В сумрак бора -
Багряным дымом злата
Бросил взоры
Прощальный луч заката.
И, одеты
Огнём вечерним, ели
Песню света
В последний раз запели.

Вновь мой голос
Слился с их мерным шумом,
Снова полон
Весь бор глубокой думой, —
И не знает
Ночь, пряжа звездных хоров,
Кто алкает:
Я или сердце бора...

ПО ЖЁСТКИМ ДОРОГАМ

По жёсткой, злой дороге,
И босой и убогий,
По холодному полю
Иду сквозь жизни ночь...

И лишь одна на свете
Заря мой путь осветит,
Укрепит мою мощь:
То свет отважной воли, —
Он в сердце стойком дышит,
Он звезд и солнца выше!

Но не эти светила зажгут его в высях, —
Я сам его должен высечь:
Ударять сталью духа о явь этой жизни.
Пока огненных искр сноп из сердца не брызнет!..

А ВОЛНЫ ПЛАЧУТ

Исчезли в прядях пелены
Две чайки — две бродячих,
Что бились грудью в синь волны,
Тревогой тайною полны...
А волны плачут...

Закинув ум средь глубины,
Влеку, как сеть рыбачью,
Его по дну; занесены
Глубины щебнем... ранят сны...
А волны плачут...

Плыву под сенью тишины,
Что крики чаек значат?
Ищу дорог родной страны —

Зачем? Кому мы там нужны?
А волны плачут...

Ни боль, ни беды не страшны..
Вон — чуждый брег маячит..
Сквозь дымку серой пелены
Плыву под тихий плеск волны,
А волны плачут..
Плачут...

ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ

Если ты любишь, не зови с собою, —
Лежит меж нами глубокая пропасть,
Чьи тени делят нас горькой тоскою
Навеки!

Напрасно смотришь ты взором печальным,
Напрасно тянешь ты милые руки, —
Ты на земле для меня будешь дальним
Навеки!

Пускай лишь месяц дорогою света
Нам души свяжет в голубом сиянии,
Целуя небо цветущего лета
И воды,

Да шелест леса, да ласка молчанья,
Да страсть и нега соловьиной песни,
Порывы вечно благого желанья
Природы...

Нет, мы с тобою изберём инсе,
Без слов, без жалоб, как бледные тени..
И боль лишь скажет своей тишиною
О главном...

Что страсть? Ты знаешь: самозабвенья,
Восторга дух твой и жизнь не простят нам, —
И нам ли годы влачить в пресыщеньи
Бесславном?

Мы — не сойдёмся... Пусть смерть своей властью
В гробу остудит наших уст пыланье...
Меня иное призывает счастье
И манит:

Не плен восторгов и томлений страстных —
Дай сердцу вспыхнуть в тишине беззвучной
У алтаря всех навеки напрасных
Желаний...

Увы, не те мы, кто может цветами
Засыпать пропасть, делящую судьбы,
Хоть страсть весь царский свой пурпур пред нами
Раскинет...

Я знаю; если назовёшь ты в вёщей
Тиши то имя, что жжёт твои губы, —
Душа услышит, душа затрепещет —
И сгинет!

И всё, что крепло б в тоскующей груди
Как сил источник, ее лишь ослабит;
Что было б светом, то жалобой будет
Ночною...

Смотри: та пропасть бездонней могилы...
Душа стремится к тебе и тоскует...
О, если любишь, не зови, мой милый,
С собою!..

ЛЮБИМОМУ

Дам тебе звезды, что в тихом мерцаньи
Глядят нам в очи,
И свежесть луга и благоуханье
Полей и ночи..
Дам тебе шелест, бегущий по лозам,
И шопот в травах,
И белизну, что овеяла розам
Головки славой..
Дам тебе чашу с росой кипящей,
Всю из опала,
И вешний сумрак, ключами звенящий
Над пашней талой..
Дам тебе кубок скорбей и усталость
Тропы тернистой,
И душу дам я тебе, что осталась
Такой же чистой!

НОКТЮРН

Грущу о ночи, о тьме серебристой,
Кроющей лёгкой своей пеленою
Мой взор горячий под дремою мгlistой...

Грущу о, ночи, и клянущее дневное
Солнце, что нашей разлуки юковы
Бесстрастной явью заглогло предо мною...

Я знаю: тщетно всё снова и снова
Сон будет тайно шептать твоё имя,
Качая душу, как память былого...

Я знаю: розно, путями иными
В жизнь мы идём и не встретятся снова
Такие души тропами своими...

Я знаю: это лишь сон, — и суровый
День беспощаден для призраков милых,
И мы до смерти провлачим оковы...

А там — забвенье в далёких могилах...

НЕВЕДОМОЕ

День, усталый, как путник на тропе безвестной,
Сам себя укрываешь ты под сень завесы!
Расскажи мне, куда ты миллионы гонишь
И куда вслед за ними я несусь в погоне?..

Рвусь лететь — нехватает мне в груди дыханья,
Нет мгновенья для счастья, полноты познания,
Увлекает слепая, огромная сила, —
Слышу: это торопит и зовёт могила...

Исчезаю; теряю — память, облик, имя...
Что вчера было мною, то взято другими...
Нежность, дружба и злоба — всё, чем жизнь
обильна,
Сразу сдунуто с сердца, как огонь светильни...

Где я?.. В росах ли светлых на лугу широком
Меня высмотрит солнце своим знойным оком,
Чтоб испытать мою душу из чашечки розы,
Как слезу непогоды, как людские слёзы?..

Где я?.. Ветер разносит мои сны с туманом
По пустынному бору, по лесным полянам.
Жар груди моей в сердце вступает земное,
А тоска моя плачет — с тишиной ночью...

В ЯВОРКАХ¹

— Эй вы, горы, тучи-горы!
Синий край заклатья!..
Как орлица, их просторы
Хочу облетать я.

Вместе с ласточкой в ложбине
Серебристой мыться,
Плавать с эхо по стремнине
И с серной носиться!

Мне бы замок укреплённый,
Как Друбажка¹, шумный,
Стоса¹ сонного загоны,
Литэнбара¹ гумна!

Рвать цветы бы у Подскала¹,
Папоротник — в Гране¹,
На Прегибе¹ — слёз опалы
Сбирать в сонной рани...

Полечу туда с орлами,
Не вернусь в низины,
Над туманом, пропастями
Мосты перекину!

В мхах нехоженных заблещет
След мой серебристый, —
Выйду там, где всё трепещет
Зарёю лучистой.

Там в скалу поток кипящий
Бьётся в буйной ласке,
Каждый камешек звенящий
Нашепчет мне сказки...

¹ Названия местечек в Татрских горах (Карпаты).

Там над синью кругозора —
Облаков кудели,
Горных эхо слышны хоры,
Колышутся ели...

В пропасть там пошлю земное
Горе, мысль — высотам;
С облаками в звонком зное
Помчусь вольным летом...

— Горы! Дайте рог пастуший —
Песней край ваш славить,
И тоскующую душу
Навек вам оставить!

МАЙСКОЕ ЭХО

На ветвях этой вербы
Я б хотела качаться.
Птицей лёгкой и серой
Сквозь туманы промчаться...
Я б сменяться нарядом
С незабудкой хотела
Иль с цветущею рядом
Гречей розово-белой...

Мне хотелось бы в чаще,
Ставши лёгкой, как ветер,
Над струёю журчащей
Танцевать в белом свете,
Паутины росистой
Нити прясть над поляной,
Крася радугой чистой
Или зорькой багряной...

Речка плещет, синяя
Торопливой струёю;
Ах, хотела бы с нею
Слить дыханье моё я,

Услыхать, как, чаруя
Быстрым шелестом крови,
Сердце мчит её струи,
Рябью лёгкою кроя...

Как берёза, тоскуя,
Руки тибкие веток
К молодому серпу я
Протянула б приветом, —
Или, хмеля лозою
Тёплый ствол обнимая,
Поникая главою,
Помечтала б о мае...

Вон — пчела прожужжала...
Овод вьётся, хлопочет...
Маков жёлтых и алых
Раскрываются очи...
О судьба всеблагая,
Дай мне лёт мотыльковый!
Облетела б луга я
И вернулась бы снова!..

С молодою травою
В свежих росах омылась,
Вечеру головою
В мягкий вереск склонилась, —
И в венок благовонный
Блески, шелесты, краски,
Перед дремою сонной
Заплела бы, как в сказке...

ГДЕ МОЙ ДОМ?

Так где ж мой дом?.. Не там ли он, где строят
Мне грёзы мир, покорный песен чарам,
Где сердце сны волшебные покоят,
Звонящий ключ поит меня нектаром?

Иль там, где подвиг, взяв весть столетий
Стальной рукой и факел зорь зажжённый,
Навстречу дню огнистым взором светит
И в ночь подымлет меч свой обнажённый?

Так где ж мой дом?.. Не там ли, где от жалоб
Дрожит простор, печалью воздух полня,
Блестит слезою чаша розы алой,
И звезд в ночи и солнца мало в полдне?
Иль там, где мир всегда залит страданьем,
Где жизнь, и труд, и битвы шум нестройный
Слились в одно призывное стенанье
И сон тревожат мукой беспокойной?

Иль там мой дом, где вечных истин троны
В величьи тихом, в белом облачении,
Царят без скипетра и без короны,
Мирам даруя силы и движенья?
Иль там мой дом, где родники науки
В умах людей текут живым потоком,
Где победитель солнца гибнет в муке
У новых царств, у новых стран востока?

Так где ж мой дом?.. Среди тех, что побороли
Зверей в себе трудом самосозданья,
Иль там, где сердце всё дрожит от боли
Перед минутным натиском страданья?
Иль там, где страсть, объятья раскрывая,
Чарует нас шумящих волн блистаньем
И, под дыханьем бурным затмевая
Всей жизни боль, кипит, растёт желаньем?..

Но нет — скорей он там, где духов стая,
Как голуби, сверкает белизною,
Где крепнет мысль, от дрёмы пробуждаясь,
И крепко спит желание земное...
Исчезнет птица в голубом эфире,

Ладья растает под лазурной сенью, —
Ах, неужели ж вечно в этом мире
Блуждать я буду беспокойной тенью?

Где истина, что, покорив всецело,
Причалом станет всех трудов и рвений?
Ах, где та цель, что стоит жизни целой,
Стремлений, битв и всех её мгновений?
В любимом деле — сердце человека,
Круг замкнутый тревог, забот желанья, —
И только я — от века и до века
Ищу везде свой дом и достоянье!..

Стремлюсь вперёд, бреду сквозь жизни выюгу —
И чуждый мир не дальше и не ближе...
Ах, где ж рука заботливого друга,
Где милый голос, шепчущий: «Приди же!»
Где голову склоню, в каком покое
Сложу тоску, несомую с трудом?
Где достоянье, где гнездо родное?
Где, где мой дом?!

В. ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

ИЗ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

*В море. — Первые впечатления. — Буря. — Смерть детей. —
Акулы. — Дельфины. — Утро. —
Берег. — Молитва.*

Итак, покончив, наконец, с посадкой,
Довольный тем, что в дальнейшей дороге
Помех не будет, — на палубе гладкой

- ¹ Я встал, покрепче утвердивши ноги.
(1) Большое судно с глубокой осадкой,
Не внемля нашей возне и тревоге,
Едва качалось на длинном причале,
Хоть вздохи ветра заметно крепчали...

.....

Уж сотни лодок всех в мире обличий,
Сновавших между землею и нами,
Как стаи чаек, когда за добычей

- Они скользят над морскими волнами,
(2) Назад умчались... Чтя морской обычай,
(4) Грохнула пушка на борту — но пламя
И гулкий грохот растаяли в море,
Не отозвавшись в лазурном просторе.

Это сигнал был, что мы в путь поплыли:
Справа и слева за лопастью лопасть
Вспенила воду, как плоские крылья

- (3) Ветряных мельниц; дым, густой, как копоть,
(5) Начал клубиться, точно дверь открыли

В чортову кузню, — и корабль наш в пропасть
Поплыл со скрипом, весь полный народу,
Как рак клешнями, рассекая воду...

За ним, как будто по вспаханной плугом
Родимой пашне, борозда тянулась.
Барашки волн по бокам друг за другом
Огнём мерцали — уж солнце коснулось
⁴ Морской пучины расплавленным кругом;
⁽⁶⁾ И следом — там, где заря расплеснулась —
Ташилась тенью в багряном закате
Чёрная лодка на длинном канате.

Под крик команды, в суматохе, в гаме,
Люди на судне становились грубы
И хитры, — словно валежник, ногами
Их мяла стража, — не отскочишь — в зубы!
⁵ Не так послушно в своём балагане
⁽⁷⁾ Пляшет медведь под барабан и трубы,
Как здесь судовой команде послушен
Стал каждый — в море не то, что на суше...

.

Уж ночь спускалась... А мы, над пучиной
Склонив колени и вытянув руки,
Все ещё жались, как клин журавлиный
Перед отлётом, готовый к разлуке,
⁶ Когда не знает журавль ни единый,
⁽²¹⁾ Вернётся ль снова, иль ждут его муки,
И бьёт в тревоге по ветру крылами,
Прощаясь кликом с родными полями...

.

Но рёв команды и звон колокольный
Дал знать, чтоб все по местам расходились.
С колен поднявшись, толпой подневольной,
Как в муравейник, мы в трюм опустились:
⁷ Давя друг друга невольно и вольно,
⁽²³⁾ Жёсткие койки занять торопились,

Бросаясь к каждой по-двое, по-трое, —
И редкий койку получил без боя...

.

А ночью буря внезапно завывала,
Поднялись волны кругом, точно стены,
Стал ветер бить нас, налетая с тыла,
⁸ И вал за валом кидал нас, и пена,
(70) Как ливень, доски на палубе мыла...
Летели брызги, кровь стыла по венам,
Одних знобило, другие дрожали,
Бабы в жару и в поту чуть дышали...

Ах, что тут скажешь! Ведь суша есть суша,
А море — море... Их мешать негоже!
Свои у них и причуды и души, —
⁹ И ты, бедняга, спасайся, как можешь!
(71) Стонали люди так, что тяжело слушать...
Как ветвь сырая с зелёною кожей
В печурке стонет... Но до жалоб этих
Не было дела никому на свете!

Ведь тут, на море, как на поле боя:
Кто уцелеет, а кому и крышка...
Ну, стисни зубы и борись с судьбою,
¹⁰ Может, и вырвешь у ней передышку...
(72) Да, хлопам плохо, а уж вдвое, втрое —
Больным, да бабам и их ребятишкам, —
Так что, хоть сам я и струсил вначале,
Но горше было мне от их печалей...

Всё чрево судна стало сущим адом,
Полным до края народа, — там жгучий
Воздух казался отравленным ядом,
Там люди бились, как будто в падучей...
¹¹ Не так роятся муравьи под взглядом
(73) Знойного солнца в повреждённой куче,
Как люди бились в этом плотном пекле, —
Уж кто-то ладил бичеву для петли,

А кто-то мчался топиться сейчас же,
Хоть этот выход всегда под рукою...
Такого хлопа как увидит стража —
И под насос!.. Так обдаст из брандсбоя,
¹² Таких насадит тумачков, что даже
(74) В глазах темнеет, — и ног под собою
Не чуя, живо наутёк пускаясь,
Бежит он к трюму, как пёс отряхаясь.

.....

Так шли над нами и дни и недели,
А участь наша ни в чём не менялась.
Всё чаще тяжким недугом болели
Ребята: кровь в них сперва разгоралась
¹³ От огневицы, но скоро синели
(100) Слабые тельца и — такая жалость! —
Склонив смиренно головки под косы,
Гибли, как цветик во время покоса...

На судне с ними не возились много:
Ещё, бывало, не остынут слёзки,
Как уж матрос их собирает в дорогу:
¹⁴ Свяжет верёвкой — и наверх, на доски...
(101) Коль есть кто рядом — помолится богу,
Потом — бултых!.. и высокие всплёски
Волны зелёной... О боже, как души
Ты их отыщешь далёко от суши?

.....

И часто море, почуяв добычу,
Вскипало пеной и словно густело,
И вслед за нею устремлялось, тыча
Голодной пастью упавшее тело,
¹⁵ Как волк, глотая... В нём разных обличий
(103) Морских чудовищ чешуя блестела,
И часто волны со страшною силой
Хребтом акула, как пилой, пилила...

.....

Однажды утро жемчужное встало,
И в прядь туманов, что стелились, тая,
Упал из щели золотисто-алый
Луч солнца — словно зеркалѣ, блистая.
¹⁶
(243) Вздохнуло море, и в нём заиграла
Больших дельфинов весёлая стая:
То верный признак хорошей погоды,
Когда их много несут эти воды!

Зверь этот круглый, точно ствол еловый,
Без чешуи, хоть и рыбой зовѣтся;
Вертявый, быстрый и большеголовый,
Хвостом бѣт воду, резвится, несѣтся
¹⁷
(244) За каждым судном, прельщённый уловом
Лёгкой добычи, — и каждый смеѣтся,
Глядя, как носом пускает он струи,
Точно стеклянный фонтан образуя!

.

Но вот и берег возник перед нами
И был, казалось, совсем неприступный:
Большие горы, своими зубцами
Чернея в небе, уступ за уступом
¹⁸
(252) К самому морю сходили грядами,
Порт образуя, для бурь не доступный.
Тут наше судно повернуло носом
Вправо, к двум самым высоким утѣсам.

.

И мы у двери желанного края,
В молчаньи долго следили глазами,
Как, в знойном солнце цветами играя,
Взвилось на мачте бразильское знамя:
¹⁹
(257) В поле, зелёном от края до края,
Пересечѣнном горящей, как пламя,
Золототканной чертой в середине,
Знак мореходный — шар лазурно-синий.

.

Народ, как волны, гомоня, вздыхая,
Вправо и влево устремился к борту,
Как вдруг старушка, словно лунь седая,
В холстине ветхой, нищетою истёртой,
²⁰ Вся, как терновник колючий, сухая,
⁽²⁶⁶⁾ Слабые руки протянула к порту
И, глядя вверх на лазурное лоно,
Взмолилась, просьбы мешая и стоны:

«Привет тебе, о заря золотая!
Выслушай сирых, пресветлая Панна!
Шли мы сюда, как изгнанников стая,
И слёз и горя нас питала манна...
²¹ Под липой хата осталась пустая,
⁽²⁶⁷⁾ Под ликом Девы — скамья, и в чуланах
Тот лён, что спрясть мы ещё не успели...
Нас ветры гнали, валы свирепели...

Детишки наши погибли в дороге,
Стерёг нас голод, мы шли, как в пустыне,
И часто сами подгибались ноги
И кости ныли на жёсткой чужбине;
²² Беда по свету гнала нас... Тревоги
⁽²⁶⁸⁾ Летели следом... Прими же нас ныне,
Как мать родная! Дай от долгой муки
Желанный отдых!..» — И сухие руки

Она скрестила — и молящим взглядом
Стремилась к солнцу в безоблачной сини,
А слёзы жгучим мучительным ядом
²³ Текли по скулам, по старой холстине...
⁽²⁶⁹⁾ «Дай отдых!» — тихо вздохнул ряд за рядом, —
Но тут, как зверя свора псов в лошине,
Нас окружили все лодки и барки
И знойный воздух, голубой и паркий...
.

Земля под нами! Мы теснимся куда-то,
Нетверды ноги, — все как будто пьяны.

Глядим сквозь слёзы на чужие хаты,
На мир чужой...

24
(273)

Вдруг гремят барабаны,
Всех окружают внезапно солдаты.
«Ратуйте!» — бабы вопят. Наши паны
Глядят, дивятся, а тоже струхнули...
«Марш!» — крикнул взводный — и штыки
сверкнули...

ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Рассказ толмача. — Встреча. — Рассказ баб. — Собрание. — Споры. — Решение комиссии.

«Бразилия, — начал толмач, — к востоку
Страна морская, на запад — речная:
Там Амазонка несётся потоком
К морю, границы земли охраняя;
25
(314) Стекая с горной, как небо высокой
Гряды, ни бродов, ни мостов не зная,
Она, как пушка, палит водопадом, —
Что наша Висла — ручеек с ней
рядом!

.

Горы зовутся здесь «сьерры» — их много,
И к слову «сьерра» приставляют имя.
Климат тяжёлый: по болотам, логам
Солнце так сильно лучами своими
26
(316) Месиво греет, что воды не могут
В нём удержаться, — слоями густыми
Земля твердеет бугристою пашней,
Честное слово, как сыр простоквашный!

.

Народ здесь чёрный, на нас не похожий.
Каждое племя по своим законам
Живёт отдельно, как хочет и может;

Из них светлее других — квартероны,
27 Темнее — терцы, а мулаты — кожей
(318) Всего чернее. Как овец в загонах,
Когда их моют, подобрав по масти, —
Так этих делят бразильские власти.

Край состоит из провинций, вернее —
«Штатов», — их много, и они большие.
В лучших осели немцы. Мы позднее
Пришли — полякам отвели другие.
28 Есть тут законы, но всего сильнее
(319) Кулачный... Что же, места здесь глухие,
И мне сдаётся, что, пожалуй, это
Не так уж плохо для Нового Света!

Зато страна и щедра и богата:
Тут есть и горы, и леса, и руды;
Как только почву ковырнёт лопата,
Зерно приносит золотые груды.
29 Здесь в запустеньи, долгим сном объята,
(320) Ждёт человека земля — словно чуда
Хворый — и встанет, как только слышит,
Что жизнь и труд на полях её дышат...»

Вдруг — крики, вопли!.. Смотрю на дорогу,
Глаза от солнца заслонив рукою:
А к нам навстречу тропею отлогой
Бабы и дети спускаются, воя...
30 Мешки и скарб свой волоча убогий,
(321) Изнурены от палящего зноя,
Полуслепые, с больными ногами,
Детишек тащат, исходя слезами.

Ну! Это наши! Я у края света
И то узнал бы их одежды, лица,
Хоть клочья свиток, в которых одеты
31 Были тела их, подобно тряпицам
(322) Болтались белым, — как у зайца летом
Мех в пору линьки... Тут вся вереница

Загомонила:

«Отцы пресвятые!

Стойте же, стойте!! Иисус-Мария!!!

Куда вы? Чтобы вас громом пришибло!
Нечистый, что ли, вас гонит по свету
За гробом? Ад здесь! Ад проклятый, гиблый!
Антихрист, верно, сделал землю эту!
³²
(323) Коль не хотите, чтобы всё погибло,
Домой сейчас же! А дороги нету —
Червями в землю!.. Не для человека
Эта страна! Прочь, коль ты не калека!..»

³³
(324) Кричат и плачут... Рыданья, проклятья
Сыплются вместе, словно дождик с градом
В мартовской вьюге, — ребята всей ратью
Пищат и воют с матерями рядом...
Толмач сначала хотел миновать их,
Но — «Встать!» — сказали мы, перед отрядом
Выбежав, в распрягу вступая с ослами:
Те — в рёв, а мы их — по лбам кулаками!

Встали. Да, впрочем, разойтись нам было
И негде: тропка вилась крутизною:
Толмач всё думал, — не больно спешил он, —
³⁴
(325) Мул под ним бился от слепней и зноя...
Я — прямо к бабам, кричу что есть силы,
Увидев всё их родное обличье:
«Во имя божье! Откуда вы, часом!» —
«Аминь, вовеки! Из Минесджераса!..»

«А это что же за дьявол?»

Тут бабы:

«Такое место, там копают руды!» —

«А кто ж привёз вас?» —

«Да кто, как не швабы!

³⁵
(326) Вертелся рыжий у нас, как Иуда,
Пока не вывез половину Грабов!..» —
«Так вы из Грабов?» —

«Из Грабинской Буды,
Только давно, а теперь нас, злосчастных,
Водят работать на лесных участках!..»

«Ну, дальше!» —

«Дальше — все сгниём в могиле!»

И бабы снова залились слезами.

«Могил за нами — на целые мили,

³⁶
(327) Так след и вьётся — уж хоть бы с крестами!..

Писать хотели — просили, просили,

Да разве станет кто возиться с нами?

На слёзы только и хватает силы!..» —

«А хлопы где же?» —

«Рудой завалило!..»

.

Пришёл приказ от комиссии, где-то
В Рио сидевшей, чтоб нам штат избрали.

Уселись хлопы на лавках — до света

³⁷
(499) Гадать, что делать? Туда ли, сюда ли

Теперь податься. чьи слушать советы?..

Мир незнакомый: все дороги в дали

Равно уводят... Что ни шаг, то глуше,

А неизвестность угнетает души...

.

Судим мы, рядим.. А толмач, который

³⁸
(501) Вчера приехал, разметил на карте

Штаты, чтоб легче нам было без спора

Решать, что выбрать для какой из партий.

Ну, шуму много, а дело не споро

Идёт у «рады», — словно пена в кварте

Старого пива: кипит и клоочет,

А станешь пить, так усов не замочит!..

.

Стучит по лавке комиссар — не слышат...

Толмач от крика вконец охрипает...

Совсем как в чаще, когда буря дышит

39 И свищет ветер и сучья сгибает, —

(531) И бор сосновый стволами колышет

В гнев и шуме стихий — и смолкает

Филин на ветке под могучим дубом,

И дятел тщетно барабанит клювом...

.

Молча дивятся комиссары буре,

Слушают, смотрят... Кто треплет бородку,

Кто чистит ногти или трубку курит...

Вдруг бросил карту толмач на серёдку

40 И крикнул: «Люди! Что вы — спяна? С дури?!

(534) Занёс нечистый на овечью сходку!

Глядите! — вы как горох перезрелый

На полушарьи рассыпались целом!»

Замолкли хлопы, развесили губы,

Ждут, что он скажет, — даже дышат часто...

А тот, с начальством о чём-то сквозь зубы

Перешепнувшись, заявил нам: «Баста!

41 Кто посильнее, пойдёт в дроворубы,

(535) Там отведут вам удобный участок;

Слабых возьмут для кофейных плантаций,

И больше вам не придётся скитаться!»

ИЗ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ

*Лес. — Ночные страхи. —
Слухи.*

Наполовину в сыром перегнутое,

Наполовину по крутому гребню

Тянется чаща... Там плотной стеною

Растут деревья до самого неба,

42 И пятна света над зелёной тьмою
(566) Бросают ветви, тихонько колеблясь;
Там, словно в бане, и парко и душно,
И мускус льётся волною воздушной...

Там над болотом из влажной трясины
Вверх, словно трубы, растут вереницы
Хвощей гигантских, пузыри над тиной,
43 Лопаясь, тают, и стрекочут птицы...
(567) Заглянешь в чашу — там узел змеиный
Пасть раскрывает, шипит и клубится,
И грозди алых цветов, расцветая,
Дрожат в болоте, как бабочек стая...

.

Там все деревья заплетают сетью
Лианы, полог сплошной образуя;
Одни, как гады, лезут толстой плетью
44 Наверх; другие стекают, как струи;
(570) Тот лист — как перья, а тот — как веретья...
И гибнут, соки лианам даруя,
Сучья и ветви под петлею каждой,
Полной и мощью и жизненной жаждой.

.

А к ночи страхи нападают... Чаша
До дна людскому не доступна глазу...
Там — слышен голос, в темноте рычащий,
45 Тут — пасть зевает так, что стынет разум...
(597) То смерть сдвигает свой засов хрипящий!
Ведь здесь, как в море, погибаешь сразу...
И, внемля чудищ неведомых голос,
Чувствуешь: дыбом становится волос...

И видишь, слышишь, как в чёрных колодцах
Стволов древесных слабый свет мигает, —
Как кто-то стонет, пытаясь бороться.
Как смерть из плотских оков исторгает
45 Слепую душу... Невольно вернётся
(598)

Такою ночью тот страх, что пугает
Нас только в детстве, когда ложкой кашной
На бор ты кажешь и шепчешь: «Он —
страшный!»

.

Ходили слухи, что в каком-то штате
Завёл люд польский свои поселения,
Что хлопы ходят там в краковском платки,
А ездят в бричках... Что есть у селенья
⁴⁷
(646) Корчма, костёл... Что наладили братья
Порядок в избах... Что есть там правление,
Писарь и войт, как в стране настоящей...
Вот это лучше, чем дикая чаша!

И сколько раз мы, в тиши цепenea,
Ждали, не шлёт ли нам весточки звонкой
Оттуда ветер, над пущею вея, —
⁴⁸
(647) Скрипом телеги или ржаньем конским...
И тот и этот шептали, бледнея:
«Я что-то слышу! Словно в той сторонке!»
И все мы жадно обращали ухо
К враждебной чаше, шелестевшей глухо...

ИЗ ГЛАВЫ ПЯТОЙ

Письмо на родину

«Пишу я к вам и в заботах, и в горе,
Родители вы мои дорогие,
Хоть мне в отчизну огромное море
⁴⁹
(1156) Путь преграждает и горы нагие,
И лес зловещий и непроходимый
Встал между мною и хатой родимой...

Как часто взгляд мой стремится сквозь горы
Вечером, утром — в родную сторонку,
Где жито с просом ведёт разговоры,

⁵⁰
(1159) Где луг сверкает под косою звонкой...
И в путь умчаться хочу я как птица
И с вихрем быстрым над Польшей носиться...

Всегда я вижу, совсем как живую,
В снопах соломы родимую крышу,
⁵³
(1167) Конёк высокий, застреху кривую, —
И в сердце думу глубокую слышу...
Но долго строчки не дойдут к вам эти,
Так много моря и земли на свете...

Плетень я вижу из плакучей ивы,
Журавль, колодец, усадьбу и поле,
И нет мне места — так горько, тоскливо...
Есть неохота... Умереть бы, что ли!..
За океаном душа моя слышит,
Как мята пахнет и как вереск дышит...

.

Теперь прощайте!.. Поясным поклоном,
Отец и мать, я вам кланяюсь низко...
Когда же ветер в вашей печке стоном
Застонет, в пепле раздувая искры,
Иль дверца скрипнет молчаливой ночью, —
Мать! Это дух мой к вам пришёл воочью!..»

ПРИМЕЧАНИЕ

Перевод стихотворений Марии Конопницкой выполнен по восьмитомному изданию Яна Чубека (Краков, 1916 год).

Невозможность в сокращенном издании более или менее полно представить каждый из многочисленных отделов подлинника заставила переводчика объединить в некоторых случаях стихотворения разных периодов и разных отделов в циклы, руководствуясь исключительно тематикой. Для удобства читателя каждому из этих циклов дан подзаголовок, причём названия подзаголовков, естественно, не совпадают с названиями отделов подлинника, кстати сказать, имеющих в различных изданиях различные наименования.

Значительно сложнее обстояло дело с поэмой «Пан Бальцер в Бразилии». Желание дать читателю хотя бы общее представление об этом произведении, пользующемся широкой популярностью на родине, вынудило пойти по линии своеобразного «монтажа». Конечно, при переводе четырёхсот четырнадцати строк из одиннадцати тысяч трехсот строк подлинника оказалась неизбежной утрата ряда существеннейших моментов: отдельных действующих лиц, характеристик, перипетий и скитаний и т. д. По этим же причинам перевод отрывков сделан местами несколько менее дословно, чем перевод отдельных стихотворений, — приходилось прибегать кое-где к усилению характеристик и интонационным сгущениям, привлекая их из общей ткани всего произведения. Но целостность октав и ритмическая их структура переводчиком не нарушалась, тональность же поэмы он пытался передать полностью.

Все произведения Марии Конопницкой переведены размерами подлинника — с максимальным сохранением структуры и особенностей польского силлабического стиха, системы рифм, сквозной цезуры и пр. Лишь в стихотворе-

ниях, написанных в подлиннике почти чистой, а в отдельных случаях и чистой силлабо-тоникой, переводчик, давая также силлабо-тонику, не стремился выдерживать сквозную цезуру полностью во избежание слишком назойливого распада стиха на два полустихия, тем более что и в подлиннике имеется ряд соответствующих цезурных нарушений.

Систематическое отступление от ритмики подлинника допущено в трёх случаях: 1) в стихотворении «Wolny pajmita», где рефрен «wolny pajmita» допускает только один точный перевод: «вольный батрак»; желая сохранить образ, переводчик заменяет женское окончание мужским, вводя, таким образом, во второй и четвёртой строках мужские рифмы; 2) в стихотворении «Юнгфрау», где рефренная пятая строка каждого пятистишия ритмически совершенно не приемлема для русского языка, что вызвало необходимость прибавления слога в каждом повторе; 3) в стихотворении «Свирель», где по аналогичным мотивам ритмика несколько руссифицирована.

Москва, 10 мая 1942 года

А. КОВАЛЕНСКИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр</i>
От издательства	3

П О Л Ь Ш Е

Престга	5
Сглетце	6
Бива прѣ Грюнвалде	7
Наше серебрѣ, наше злато	9
Варшаве	11
Песнь «пѣлскихъ сѣкловъ»	12
Непрѣжиге	14
Липы цвѣту	16
Нашъ сѣяг	17
На свободу	18
Братьямъ чехамъ	19

II. ПЕСНИ ПЕЧАЛИ

По утрамъ шумитъ дубрава	22
На рѣчнѣ	23
Водный баграк	24
Моя пѣснь	26
Дубрава	27
Дрѣва	27
Король и Слѣх	28
Ой, ноука...	29
Висла	30
Верните мнѣ...	30
Дѣла	31
«Adesso parla»	31

III. ДУМЫ

Словно олень...	33
У старой плотины	34
Экспресс	35
Барка	38
Поэту	40
На вершинах	41
Конец века	43
О мир мой!	46
Встань, дитя!	47

IV. НА ЧУЖБИНЕ

1. Сонеты

Мол в Генуе	49
Фиумичино	49
Капри	50
Коголетто	51
Gran Scoglio	51
Porto Vecchio	52

2. Urbs Avinionensis

Трубадур	53
Жакемар и его жена	54
В гетто	55

3. Италия

Вилла Волконских	58
Дорога к Фьезоле	59
В сумерках	60
Над морем в затишье	61
Ива на Прато	62

4. «Юнгфрау»

Гробница рыцаря	66
-----------------	----

V. СЕЛЬСКИЕ ПЕСНИ

Сны меня обступили	68
Свирель	70
Музыкант	71
Тихо билось...	74
I. На свирели	75
II. На свирели	75
Летавица	76
Осенью	78

Сватовство	81
Ой, дана!	82
Журавли	84

VI. ЛЮТНЯ СЕРДЦА

Тишина	86
В глухом бору	87
По жёстким дорогам	88
А волны плачут	88
Если ты любишь	89
Любимому	91
Ноктюрн	91
Неведомое	92
В Яворках	93
Майское эхо	94
Где мой дом?	95

VII. ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

(Отрывки из поэмы)

Из главы первой	98
Из главы второй	104
Из главы третьей	108
Из главы пятой	110
Примечание	112

Редактор *С. Шервинский*

Подписано к печати 5/IV 1944 г. А-7832. Тираж 10 000 экз.
3²/, печ. л. 5,03 уч.-авт. л. Зак. № 1593. Цена 4 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

4 руг.